Эдуард

АСАДОВ

Помните!

Эдуард Асадов

Помните! (сборник)

«Эксмо»

2014

Асадов Э. А.

Помните! (сборник) / Э. А. Асадов — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-73244-9

Любое стихотворение Эдуарда Асадова – торжество смелых и благородных чувств, отстаивание высоких идеалов.<poem><stanza><v>…Севастополь! В рассветном сияньи ночи</v><v>Что ответил бы я на вопрос такой?</v><v>Я люблю его яростно, всей душой,</v><v>Значит, быть беспристрастным мне трудно очень.</v></stanza><stanza><v>Но, однако, сквозь мрак, что рассветом вспорот,</v><v>Говорю я под яростный птичий звон:</v><v>Для друзей, для сердец бескорыстных он</v><v>Самый добрый и мирный на свете город!</v></stanza><stanza><v>Но попробуй оскаль свои зубы враг —</v><v>И забьются под ветром знамена славы!</v><v>И опять будет все непременно так:</v><v>Это снова и гнев, и стальной кулак,</v><v>Это снова твердыня родной державы!</v></stanza></poem>Книга также выходила под названием «Дума о Севастополе (сборник)».

ISBN 978-5-699-73244-9

© Асадов Э. А., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Стихотворения 7
Не спорьте, сограждане, о политике! 7
Наш вечный День Победы 9
Россия начиналась не с меча! 11
Ленинграду 13
Дума о Севастополе 15
Спасибо 17
России 18
Родине 21
День Победы в Севастополе 26
Прощай, Ленинград… 28
Запоминайте нас, пока мы есть! 30
Солдат 31
Помните! 32
Могила Неизвестного солдата 34
Письмо с фронта 36
На исходный рубеж 37
Вернулся 39
Прислали к нам девушку в полк медсестрой 40
Трус 42
Морская пехота 43
Моему сыну 45
Шли солдаты 48
Стихи о солдатской шутке 50
Новобранцы 52
Рассказ о войне 54
Я поэт сугубо молодежный 56
Велики ль богатства у солдата?.. 59
Статистика войны 60
Неприметные герои 61
Песня о мужестве 64
1. Новая пациентка 64
2. Рассказ о Валином дедушке 66
3. Профессор, я поняла… 70
4. Последнее утро 71
«Я проснулся утром и сказал…» 74
Дым отечества 75
Ночная песня 78
Звезды живут, как люди 80
Лесная река 82
Старый «газик» 84
Высота 86
Весенняя песня 87
Таежный родник 89
Весна в лесу 91
Маленькие герои 92

Дикие гуси 94
Пеликан 96
Лебеди 98
Стихи о рыжей дворняге 100
Ледяная баллада 102
Вечная красота 105
Красота народа 108
Дорожите счастьем, дорожите!.. 111
«Стремясь к любви, ты ищешь красоты…» 113
Заколдованный круг 114
Прогулка 115
Золотая осень 117
Женщина сказала мне однажды… 119
Трудная роль 121
Одна 123
Оценка любви 124
Стихи о несбывшейся встрече 125
Вторая любовь 127
Конец ознакомительного фрагмента. 129

Эдуард Асадов
Помните! (сборник)

© Асадов Э. А. Наследник, 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Стихотворения

Не спорьте, сограждане, о политике!

Не спорьте, сограждане, о политике!
Ведь сколько бы люди ни кипятились,
Но не было случая, чтоб согласились
Сторонники всяких проблем и критики.

Застолье. Плетутся словес узоры,
Все гости светлеют от доброты,
И вдруг, словно спичка, зажглись раздоры.
Снова политика! Крики, споры
До яростной злобы, до хрипоты!..

Испорчен и напрочь растерзан вечер.
Зачем? И какая была нужда?
Но в душах мгновенно погасли свечи,
И вместо хорошей и доброй встречи —
Шипы, оскорбления и вражда.

Страна моя! Споры за веком век,
Кто всыпал нам перец такой напасти,
Чтоб чуть не с рождения наш человек
Жил вечной политикой вместо счастья.

А где-то извечно стремились жить,
Трудиться. И, глядя веселым взглядом,
Влюбляться, и вздорить, и вина пить,
Оставив политику дипломатам.

И можно подумать, что только мы,
Воюя и мучаясь беспрестанно,
Задуманы, чтоб извлекать из тьмы,
Как чертиков, разных политиканов.

Когда-то эсеры, меньшевики,
За ними – гранитные партократы,
А дальше – шумящие демократы,
Что также стремятся срывать вершки.

Политики борются и ловчат,
Политики втайне вовсю шуруют.
А люди доверчиво митингуют
И чуть ли не сами же лезут в ад.

И будем мы верить или не будем —
Политики станут грести к себе.
Ах, милые, бедные наши люди,
К чему ж нам быть пешками в их борьбе?!

И, право, чем больше проходит лет,
Тем чаще мы с горечью убеждаемся,
Что смысла нам в этих всех играх нет
И мы тут лишь донорством занимаемся.

Политикам снятся чины и власть.
А нам неужель до сих пор не видно,
Что силы свои, и сердца, и страсть
Ну попросту тратить на них обидно!
На выборы, что ж, мы прийти – придем
И искренно, честно проголосуем,
А дальше – гори все сплошным огнем!
И мы о вас, право, не затоскуем!

За городом речка журчит лесам,
О суетных нуждах не беспокоясь.
И женщина звонко смеется там
Птицам, теплу, золотым лучам,
Стоя в цветах луговых по пояс.

А вон, под распахнутым небосводом,
В ярко-тугом серебре реки,
Ребята, шустрые, как мальки,
Брызгаясь, с визгом ныряют в воду…

К черту же грохот пустых речей!
Любящий взгляд, и твой труд, и дети —
Вот что, бесспорно, всего важней,
Ради чего стоит жить на свете!

1993

Наш вечный День Победы

С каждым годом он дальше и дальше идет
От того, легендарного сорок пятого,
Горьким дымом пожаров и славой объятого,
Как солдат, что в бессрочный идет поход.

Позади – переставший визжать свинец,
Впереди – и работа, и свет парадов,
В его сердце стучат миллионы сердец,
А во взгляде горят миллионы взглядов.

Только есть и подлейшая в мире рать,
Что мечтает опошлить его и скинуть,
В темный ящик на веки веков задвинуть,
Оболгать и безжалостно оплевать.

Растоптать. Вверх ногами поставить историю.
И, стараясь людей превратить в глупцов,
Тех, кто предал страну, объявить героями,
А героев же вычеркнуть из умов.

Только совесть страны не столкнуть с откоса.
И, хоть всем вам друг другу на голову встать,
Все равно до Гастелло и Зои с Матросовым
Вам, хоть лопнуть от ревности, не достать.

День Победы! Скажите, теперь он чей?
Украинский, таджикский, грузинский, русский?
Или, может, казахский иль белорусский?
Полный мужества праздник страны моей?!

Разорвали страну… Только вновь и вновь
Большинству в это зло все равно не верится,
Ибо знамя Победы никак не делится,
Как не делится сердце, душа и кровь.

И какими мы спорами ни кипим,
Мы обязаны знать, и отцы, и дети,
День Победы вовек для нас неделим,
Это главный наш праздник на целом свете.

День Победы! Гремит в вышине салют.
Но величье, весь смысл его и значенье
Для народов земли до конца поймут,
Может быть, лишь грядущие поколенья!

Вот идет он, неся свой высокий свет.
Поколенья будут рождаться, стариться,
Люди будут меняться, а он – останется.
И шагать ему так еще сотни лет!

1993

Россия начиналась не с меча!

Россия начиналась не с меча,
Она с косы и плуга начиналась.
Не потому, что кровь не горяча,
А потому, что русского плеча
Ни разу в жизни злоба не касалась…

И стрелами звеневшие бои
Лишь прерывали труд ее всегдашний.
Недаром конь могучего Ильи
Оседлан был хозяином на пашне.

В руках, веселых только от труда,
По добродушью иногда не сразу
Возмездие вздымалось. Это да.
Но жажды крови не было ни разу.

А коли верх одерживали орды,
Прости, Россия, беды сыновей.
Когда бы не усобицы князей,
То как же ордам дали бы по мордам!

Но только подлость радовалась зря.
С богатырем недолговечны шутки:
Да, можно обмануть богатыря,
Но победить – вот это уже дудки!

Ведь это было так же бы смешно,
Как, скажем, биться с солнцем и луною,
Тому порукой – озеро Чудское,
Река Непрядва и Бородино.

И если тьмы тевтонцев иль Батыя
Нашли конец на родине моей,
То нынешняя гордая Россия
Стократ еще прекрасней и сильней!

И в схватке с самой лютою войною
Она и ад сумела превозмочь.
Тому порукой – города-герои
В огнях салюта в праздничную ночь!

И вечно тем сильна моя страна,
Что никого нигде не унижала.
Ведь доброта сильнее, чем война,
Как бескорыстье действеннее жала.

Встает заря, светла и горяча.
И будет так вовеки нерушимо.
Россия начиналась не с меча,
И потому она непобедима!

Ленинграду

Не ленинградец я по рожденью,
И все же я вправе сказать вполне,
Что я – ленинградец по дымным сраженьям,
По первым окопным стихотвореньям,
По холоду, голоду, по лишеньям,
Короче: по юности, по войне!

В Синявинских топях, в боях подо Мгою,
Где снег был то в пепле, то в бурой крови,
Мы с городом жили одной судьбою,
Словно как родственники, свои.

Было нам всяко – и горько, и сложно.
Мы знали: можно, на кочках скользя,
Сгинуть в болоте, замерзнуть можно,
Свалиться под пулей, отчаяться можно,
Можно и то, и другое можно,
И лишь Ленинграда отдать нельзя!

И я его спас, навсегда, навечно:
Невка, Васильевский, Зимний дворец…
Впрочем, не я, не один, конечно, —
Его заслонил миллион сердец!

И если бы чудом вдруг разделить
На всех бойцов и на всех командиров
Дома и проулки, то, может быть,
Выйдет, что я сумел защитить
Дом. Пусть не дом, пусть одну квартиру.

Товарищ мой, друг ленинградский мой,
Как знать, но, быть может, твоя квартира
Как раз вот и есть та, спасенная мной
От смерти для самого мирного мира.

А значит, я и зимой, и летом
В проулке твоем, что шумит листвой,
На улице каждой, в городе этом
Не гость, не турист, а навеки свой.

И всякий раз, сюда приезжая,
Шагнув в толкотню, в городскую зарю,
Я, сердца взволнованный стук унимая,
С горячей нежностью говорю:

– Здравствуй, по-вешнему строг и молод,
Крылья раскинувший над Невой,
Город-красавец, город-герой,
Неповторимый город!

Здравствуйте, врезанные в рассвет
Проспекты, дворцы и мосты висячие,
Здравствуй, память далеких лет,
Здравствуй, юность моя горячая!

Здравствуйте, в парках ночных соловьи
И все, с чем так радостно мне встречаться.
Здравствуйте, дорогие мои,
На всю мою жизнь дорогие мои,
Милые ленинградцы!

Дума о Севастополе

Я живу в Севастополе. В бухте Омега,
Там, где волны веселые, как дельфины.
На рассвете, устав от игры и бега,
Чуть качаясь, на солнышке греют спины…

Небо розово-синим раскрылось зонтом,
Чайки, бурно крича, над водой снуют,
А вдали, пришвартованы к горизонту,
Три эсминца и крейсер дозор несут.

Возле берега сосны, как взвод солдат,
Чуть качаясь, исполнены гордой пластики,
Под напористым бризом, построясь в ряд,
Приступили к занятию по гимнастике.

Синева с синевой на ветру сливаются,
И попробуй почувствовать и понять,
Где небесная гладь? Где морская гладь?
Все друг в друге практически растворяется.

Ах, какой нынче добрый и мирный день!
Сколько всюду любви, красоты и света!
И когда упадет на мгновенье тень,
Удивляешься даже: откуда это?!

Вдруг поверишь, что было вот так всегда.
И, на мужестве здесь возведенный, город
Никогда не был злобною сталью вспорот
И в пожарах не мучился никогда.

А ведь было! И песня о том звенит:
В бурях войн, в свистопляске огня и стали
Здесь порой даже плавился и гранит,
А вот люди не плавились. И стояли!

Только вновь встал над временем монолит —
Нет ни выше, ни тверже такого взлета,
Это стойкость людская вошла в гранит,
В слово Честь, что над этой землей звенит,
В каждый холм и железную волю флота!

Говорят, что отдавшие жизнь в бою
Спят под сенью небес, навсегда немые,
Но не здесь! Но не в гордо-святом краю!
В Севастополе мертвые и живые,

Словно скалы, в едином стоят строю!

А пока тихо звезды в залив глядят,
Ветер пьян от сирени. Теплынь. Экзотика!
В лунных бликах цикады, снуя, трещат,
Словно гномы, порхая на самолетиках…

Вот маяк вперил вдаль свой циклопий взгляд…
А в рассвете, покачивая бортами,
Корабли, словно чудища, важно спят,
Тихо-тихо стальными стуча сердцами…

Тополя возле Графской равняют строй,
Тишина растекается по бульварам.
Лишь цветок из огня над Сапун-горой
Гордо тянется в небо, пылая жаром.

Патрули, не спеша, по Морской протопали,
Тают сны, на заре покидая люд…
А над клубом матросским куранты бьют
Под звучание гимна о Севастополе.

А в Омеге, от лучиков щуря взгляд,
Волны, словно ребята, с веселым звоном,
С шумом выбежав на берег под балконом,
Через миг, удирая, бегут назад.

Да, тут слиты бесстрашие с красотой,
Озорной фестиваль с боевой тревогой.
Так какой это город? Какой, какой?
Южно-ласковый или сурово-строгий?

Севастополь! В рассветном сияньи ночи
Что ответил бы я на вопрос такой?
Я люблю его яростно, всей душой,
Значит, быть беспристрастным мне трудно очень.

Но, однако, сквозь мрак, что рассветом вспорот,
Говорю я под яростный птичий звон:
Для друзей, для сердец бескорыстных он
Самый добрый и мирный на свете город!

Но попробуй оскаль свои зубы враг —
И забьются под ветром знамена славы!
И опять будет все непременно так:
Это снова и гнев, и стальной кулак,
Это снова твердыня родной державы!

Спасибо

За битвы, за песни, за все дерзания
О, мой Севастополь, ты мне, как сыну,
Присвоил сегодня высокое звание
Почетного гражданина.

Мы спаяны прочно, и я говорю:
Той дружбе навеки уже не стереться.
А что я в ответ тебе подарю?
Любви моей трепетную зарю
И всю благодарность сердца!

Пусть годы летят, но в морском прибое,
В горячих и светлых сердцах друзей,
В торжественном мужестве кораблей,
В листве, что шумит над Сапун-горою,

И в грохоте музыки трудовой,
И в звоне фанфар боевых парадов
Всегда будет жить, Севастополь мой,
Твой друг и поэт Эдуард Асадов!

России

Ты так всегда доверчива, Россия,
Что, право, просто оторопь берет.
Еще с времен Тимура и Батыя
Тебя, хитря, терзали силы злые
И грубо унижали твой народ.

Великая трагедия твоя
Вторично в мире сыщется едва ли:
Ты помнишь, как удельные князья,
В звериной злобе отчие края
Врагам без сожаленья предавали?!

Народ мой добрый! Сколько ты страдал
От хитрых козней со своим доверьем!
Ведь Рюрика на Русь никто не звал.
Он сам с дружиной Новгород подмял
Посулами, мечом и лицемерьем!

Тебе ж внушали испокон веков,
Что будто сам ты, небогат умами,
Слал к Рюрику с поклонами послов:
«Идите, княже, володейте нами!»

И как случилось так, что триста лет
После Петра в России на престоле, —
Вот именно, ведь целых триста лет! —
Сидели люди, в ком ни капли нет
Ни русской крови, ни души, ни боли!

И сколько раз среди смертельной мглы
Навек ложились в Альпах ли, в Карпатах
За чью-то спесь и пышные столы,
Суворова могучие орлы,
Брусилова бесстрашные солдаты.

И в ком, скажите, сердце закипело?
Когда тебя, лишая всякой воли,
Хлыстами крепостничества пороли,
А ты, сжав зубы, каменно терпела?

Когда ж, устав от захребетной гнили,
Ты бунтовала гневно и сурово,
Тебе со Стенькой голову рубили
И устрашали кровью Пугачева.

В семнадцатом же тяжкие загадки
Ты, добрая, распутать не сумела:
С какою целью и за чьи порядки
Твоих сынов столкнули в смертной схватке,
Разбив народ на «красных» и на «белых»?!

Казалось: цели – лучшие на свете:
«Свобода, братство, равенство труда!»
Но все богатыри просты, как дети,
И в этом их великая беда.

Высокие святые идеалы
Как пыль смело коварством и свинцом,
И все свободы смяло и попрало
«Отца народов» твердым сапогом.

И все же, все же, много лет спустя
Ты вновь зажглась от пламени плакатов,
И вновь ты, героиня и дитя,
Поверила в посулы «демократов».

А «демократы», господи прости,
Всего-то и умели от рожденья,
Что в свой карман отчаянно грести
И всех толкать в пучину разоренья.

А что в недавнем прошлом, например?
Какие честь, достоинство и слава?
Была у нас страна СССР —
Великая и гордая держава.

Но ведь никак же допустить нельзя,
Чтоб жить стране без горя и тревоги!
Нашлись же вновь «удельные князья»,
А впрочем, нет! Какие там «князья»!
Сплошные крикуны и демагоги!

И как же нужно было развалить
И растащить все силы и богатства,
Чтоб нынче с ней не то что говорить,
А даже и не думают считаться!

И сколько ж нужно было провести
Лихих законов, бьющих злее палки,
Чтоб мощную державу довести
До положенья жалкой приживалки!

И, далее уже без остановки,
Они, цинично попирая труд,

К заморским дядям тащат и везут
Леса и недра наши по дешевке!

Да, Русь всегда доверчива. Все так.
Но сколько раз в истории случалось,
Как ни ломал, как ни тиранил враг,
Она всегда, рассеивая мрак,
Как птица Феникс, снова возрождалась!

А если так, то, значит, и теперь
Все непременно доброе случится,
И от обид, от горя и потерь
Россия на куски не разлетится!

И грянет час, хоть скорый, хоть не скорый,
Когда Россия встанет во весь рост.
Могучая, от недр до самых звезд,
И сбросит с плеч деляческие своры!

Подымет к солнцу благодарный взор,
Сквозь искры слез, взволнованный и чистый,
И вновь обнимет любящих сестер,
Всех, с кем с недавних и недобрых пор
Так злобно разлучили шовинисты!

Не знаю, доживем мы или нет
До этих дней, мои родные люди,
Но твердо верю: загорится свет,
Но точно знаю: возрожденье будет!

Когда наступят эти времена?
Судить не мне. Но разлетятся тучи!
И знаю твердо: правдой зажжена,
Еще предстанет всем моя страна
И гордой, и великой, и могучей!

1993

Родине

(Лирический монолог)

Как жаль мне, что гордые наши слова
«Держава», «Родина» и «Отчизна»
Порою затерты, звенят едва
В простом словаре повседневной жизни.

Я этой болтливостью не грешил.
Шагая по жизни путем солдата,
Я просто с рожденья тебя любил
Застенчиво, тихо и очень свято.

Какой ты была для меня всегда?
Наверное, в разное время разной.
Да, именно разною, как когда,
Но вечно моей и всегда прекрасной!

В каких-нибудь пять босоногих лет
Мир – это улочка, мяч футбольный,
Сабля, да синий змей треугольный,
Да голубь, вспарывающий рассвет.

И если б тогда у меня примерно
Спросили: какой представляю я
Родину? Я бы сказал, наверно:
– Она такая, как мама моя!

А после я видел тебя иною,
В свисте метельных уральских дней,
Тоненькой, строгой, с большой косою —
Первой учительницей моей.

Жизнь открывалась почти как в сказке,
Где с каждой минутой иная ширь,
Когда я шел за твоей указкой
Все выше и дальше в громадный мир!

Случись, рассержу я тебя порою —
Ты, пожурив, улыбнешься вдруг
И скажешь, мой чуб потрепав рукою:
– Ну ладно. Давай выправляйся, друг!

А помнишь встречу в краю таежном,
Когда, заблудившись, почти без сил,
Я сел на старый сухой валежник

И обреченно глаза прикрыл?

Сочувственно кедры вокруг шумели,
Стрекозы судачили с мошкарой:
– Отстал от ребячьей грибной артели…
Жалко… Совсем еще молодой!

И тут, будто с суриковской картины,
Светясь от собственной красоты,
Шагнула ты, чуть отведя кусты,
С корзинкою, алою от малины.

Взглянула и все уже поняла:
– Ты городской?.. Ну дак что ж, бывает…
У нас и свои-то, глядишь, плутают.
Пойдем-ка! – И руку мне подала.

И, сев на разъезде в гремящий поезд,
Хмельной от хлеба и молока,
Я долго видел издалека
Тебя, стоящей в заре по пояс…

Кто ты, пришедшая мне помочь?
Мне и теперь разобраться сложно:
Была ты и впрямь лесникова дочь
Или «хозяйка» лесов таежных?

А впрочем, в каком бы я ни был краю
И как бы ни жил и сейчас, и прежде,
Я всюду, я сразу тебя узнаю —
Голос твой, руки, улыбку твою,
В какой ни явилась бы ты одежде!

Помню тебя и совсем иной.
В дымное время, в лихие грозы,
Когда завыли над головой
Чужие черные бомбовозы!

О, как же был горестен и суров
Твой образ, высоким гневом объятый,
Когда ты смотрела на нас с плакатов
С винтовкой и флагом в дыму боев!

И, встав против самого злого зла,
Я шел, ощущая двойную силу:
Отвагу, которую ты дала,
И веру, которую ты вселила.

А помнишь, как встретились мы с тобой,

Солдатской матерью, чуть усталой,
Холодным вечером подо Мгой,
Где в поле солому ты скирдовала.

Смуглая, в желтой сухой пыли,
Ты, распрямившись, на миг застыла,
Затем поклонилась до самой земли
И тихо наш поезд перекрестила…

О, сколько же, сколько ты мне потом
Встречалась в селах и городищах —
Вдовой, угощавшей ржаным ломтем,
Крестьянкой, застывшей над пепелищем…

Я голос твой слышал средь всех тревог,
В затишье и в самом разгаре боя.
И что бы я вынес? И что бы смог?
Когда бы не ты за моей спиною!

А в час, когда, вскинут столбом огня,
Упал я на грани весны и лета,
Ты сразу пришла. Ты нашла меня.
Даже в бреду я почуял это…

И тут, у гибели на краю,
Ты тихо шинелью меня укрыла
И на колени к себе положила
Голову раненую мою.

Давно это было или вчера?
Как звали тебя: Антонида? Алла?
Имени нету. Оно пропало.
Помню лишь – плакала медсестра.
Сидела, плакала и бинтовала…

Но слезы не слабость. Когда гроза
Летит над землей в орудийном гуле.
Отчизна, любая твоя слеза
Врагу отольется штыком и пулей!

Но вот свершилось! Пропели горны!
И вновь сверкнула голубизна,
И улыбнулась ты в мир просторный,
А возле ног твоих птицей черной
Лежала замершая война!

Так и стояла ты: в гуле маршей,
В цветах после бед и дорог крутых,
Под взглядом всех наций рукоплескавших —

Мать двадцати миллионов павших
В объятьях двухсот миллионов живых!

Мчатся года, как стремнина быстрая…
Родина! Трепетный гром соловья!
Росистая, солнечная, смолистая,
От вьюг и берез белоснежно чистая,
Счастье мое и любовь моя!

Ступив мальчуганом на твой порог,
Я верил, искал, наступал, сражался.
Прости, если сделал не все, что мог,
Прости, если в чем-нибудь ошибался!

Возможно, что, вечно душой горя
И никогда не живя бесстрастно,
Кого-то когда-то обидел зря, —
А где-то кого-то простил напрасно.

Но пред тобой никогда, нигде, —
И это, поверь, не пустая фраза! —
Ни в споре, ни в радости, ни в беде
Не погрешил, не схитрил ни разу!

Пусть редко стихи о тебе пишу
И не трублю о тебе в газете —
Я каждым дыханьем тебе служу
И каждой строкою тебе служу,
Иначе зачем бы и жил на свете!

И если ты спросишь меня сердечно,
Взглянув на прожитые года:
– Был ты несчастлив? – отвечу: – Да!
– Знал ли ты счастье? – скажу: – Конечно!

А коли спросишь меня сурово:
– Ответь мне: а беды, что ты сносил,
Ради меня пережил бы снова?
– Да! – я скажу тебе. – Пережил!

– Да! – я отвечу. – Ведь если взять
Ради тебя даже злей напасти,
Без тени рисовки могу сказать:
Это одно уже будет счастьем!

Когда же ты скажешь мне в третий раз:
– Ответь без всякого колебанья:
Какую просьбу или желанье
Хотел бы ты высказать в смертный час?

И я отвечу: – В грядущей мгле
Скажи поколеньям иного века:
Пусть никогда человек в человека
Ни разу не выстрелит на земле!

Прошу: словно в пору мальчишьих лет,
Коснись меня доброй своей рукою.
Нет, нет, я не плачу… Ну что ты, нет…
Просто я счастлив, что я с тобою…

Еще передай, разговор итожа,
Тем, кто потом в эту жизнь придут,
Пусть так они тебя берегут,
Как я. Даже лучше, чем я, быть может.

Пускай, по-своему жизнь кроя,
Верят тебе они непреложно.
И вот последняя просьба моя:
Пускай они любят тебя, как я,
А больше любить уже невозможно!

День Победы в Севастополе

Майский бриз, освежая, скользит за ворот,
Где-то вздрогнул густой корабельный бас,
Севастополь! Мой гордый, мой светлый город,
Я пришел к тебе в праздник, в рассветный час.

Тихо тают в Стрелецкой ночные тени,
Вдоль бульваров, упруги и горячи,
Мчатся первые радостные лучи,
Утро пахнет гвоздиками и сиренью.

Но все дальше, все дальше лучи бегут,
Вот долина Бельбека: полынь и камень.
Ах, как выли здесь прежде металл и пламень,
Сколько жизней навеки умолкло тут!..

Поле боя, знакомое поле боя,
Тонет Крым в виноградниках и садах,
А вот здесь, как и встарь, – каменистый прах
Да осколки, звенящие под ногою.

Где-то галькой прибой шуршит в тишине.
Я вдруг словно во власти былых видений.
Сколько выпало тут вот когда-то мне,
Здесь упал я под взрывом в густом огне,
Чтоб воскреснуть и жить для иных сражений.

О мое поколенье! Мы шли с тобой
Ради счастья земли сквозь дымы и беды.
Пятна алой зари на земле сухой —
Словно память о тяжкой цене победы.

Застываю в молчании, тих и суров.
Над заливом рассвета пылает знамя…
Я кладу на дорогу букет цветов
В честь друзей, чьих уже не услышать слов
И кто нынешний праздник не встретит с нами…

День Победы! Он замер на кораблях,
Он над чашею Вечное вскинул пламя,
Он грохочет и бьется в людских сердцах,
Опаляет нас песней, звенит в стихах,
Полыхает плакатами и цветами.

На бульварах деревья равняют строй.
Все сегодня багровое и голубое.

Севастополь, могучий орел! Герой!
Двести лет ты стоишь над морской волной,
Наше счастье и мир заслонив собою!

А когда вдоль проспектов и площадей
Ветераны идут, сединой сверкая,
Им навстречу протягивают детей,
Люди плачут, смеются, и я светлей
Ни улыбок, ни слез на земле не знаю!

От объятий друзей, от приветствий женщин,
От цветов и сияния детских глаз
Нет, наверно, счастливее их сейчас!
Но безжалостно время. И всякий раз
Приезжает сюда их все меньше и меньше…

Да, все меньше и меньше. И час пробьет,
А ведь это случится же поздно иль рано,
Что когда-нибудь праздник сюда придет,
Но уже без единого ветерана…

Только нам ли искать трагедийных слов,
Если жизнь торжествует и ввысь вздымается,
Если песня отцовская продолжается
И вливается в песнь боевых сынов!

Если свято страну свою берегут
Честь и Мужество с Верою дерзновенной,
Если гордый, торжественный наш салют,
Утверждающий мир, красоту и труд,
Затмевает сияние звезд вселенной.

Значит, стужи – пустяк и года – ерунда,
Значит, будут цветам улыбаться люди,
Значит, счастье, как свет, будет жить всегда
И конца ему в мире уже не будет!

1984

Прощай, Ленинград…

Мой строгий, мой ласковый Ленинград,
Ты вновь теперь назван Санкт-Петербургом.
Не важно: я рад иль не очень рад,
Но я, как и в юности, – твой солдат,
Оставшийся самым вернейшим другом.

А почему я не слишком рад?
Скажу откровенно и очень честно:
Царь Петр был велик. Это всем известно.
Но был ли во всем абсолютно свят?

И Русь, как коня, на дыбы вздымая,
Он мыслил по-своему рай и ад.
И, головы русским стократ срубая,
Пред немцами шляпу снимал стократ.

И грозно стуча по сердцам ботфортами,
Выстраивал жизнь на немецкий лад.
И Русь до того наводнил Лефортами,
Что сам был, возможно, потом не рад.

Слова, с увлеченностью чуть не детской:
Гроссбух, ассамблея, штандарт, Шлиссельбург,
И вот, в честь святого Петра – Петербург,
Вся Русь – как под вывескою немецкой!

Потом и похлеще пошло житье:
Царей на Руси – ни единого русского!
Все царские семьи от корня прусского
Да немцы голштинские. Вот и все.

– Ну что тут нелепого? – скажут мне. —
Сложилось все так, как оно сложилось. —
Что ж, пусть. Но скажите тогда на милость,
Могло быть такое в другой стране?

Могли бы английские или французские
Короны столетиями носить
Дворянишки, скажем, заштатно-прусские,
Которым и дома-то не на что жить?!

Чтоб где-то в Иране, в Канаде, в Китае ли
В креслах для самых больших чинов
Сидели, судили и управляли бы
Такие премьеры, что и не знали бы

Ни стран этих толком, ни языков?!

Ответят: – Зачем так шутить безбожно?
Народ, государственность – не пустяк! —
А вот на Руси – даже очень можно!
И можно, и было как раз вот так!

И разве, скажите мне, разрешили бы
Придумывать где-то для городов
В Норвегии, Швеции иль Бразилии
Названья из чуждых им языков?

У нас же пошли из немецких слов
Названия всяческие вывертывать:
Ораниенбаум, Кронштадт, Петергоф,
Затем – Оренбург, а в Москве – Лефортово.

Затем граф Татищев сей путь продлил
И город, что встал на седом Урале,
Велел, чтоб Екатеринбургом звали
И к царственным туфелькам положил.

О, нет. Никакой я не ретроград.
И ханжества нет во мне никакого,
И все-таки «град» – это слово «град»,
И я ему, право, как брату, рад,
А «бург» – чужеродное сердцу слово!

И вот, словно в залпах «Авроры» тая,
Прошедший сквозь семьдесят лет подряд,
В блокаду не дрогнувший Ленинград
Уходит, главы своей не склоняя!

Как сказочный крейсер, гонимый прочь,
Все флаги торжественно поднимая,
Плывет он в историю, словно в ночь,
Своих неразумных сынов прощая…

Плывет, отдавая печаль волнам,
И в громе оркестров слова рыдают:
«Наверх вы, товарищи! Все – по местам!
Последний парад наступает…»

1991

Запоминайте нас, пока мы есть!

Запоминайте нас, пока мы есть!
Ведь мы еще на многое сгодимся.
Никто не знает, сколько мы продлимся,
А вот сейчас мы с вами, рядом, здесь.

Кто мы такие? В юности – солдаты,
Потом – трудяги, скромно говоря,
Но многие торжественные даты
Вписали мы в листки календаря.

Мы победили дьявольское пламя
И вознесли над пеплом города.
Видать, нам вечно быть фронтовиками:
И в дни войны, и в мирные года!

Зазнались? Нет, смешно и ни к чему!
Нам не пришло б и в голову такое.
Когда пройдешь сквозь самое крутое,
Тогда плюешь на эту кутерьму.

Что нам чины, восторгов междометья!
Да мы их и не ведали почти.
Нам важно, чтоб смогли вы обрести
Все то, что мы достигли в лихолетья.

А чтобы жить нам светлою судьбою
И взмыть под звезды выше во сто раз —
Возьмите все хорошее от нас,
А минусы мы унесем с собою…

Мы вечно с вами толковать бы рады,
Но всех ветра когда-то унесут…
Запоминайте ж нас, пока мы тут,
И нас по письмам познавать не надо!

Когда ж потом, в далекие года,
Воспоминаний потускнеют нити,
Вы подойдите к зеркалу тогда
И на себя внимательно взгляните.

И от взаимной нашей теплоты
Мир вспыхнет вдруг, взволнованный и зыбкий.
И мы, сквозь ваши проступив черты,
Вам улыбнемся дружеской улыбкой…

Солдат

Меж стиснутых пальцев желтела солома,
Поодаль валялся пустой автомат,
Лежал на задворках отцовского дома
Осколком гранаты убитый солдат.

Бойцы говорили, не то совпаденье,
Не то человеку уж так повезло,
Что ранней зарей в полосе наступленья
Увидел гвардеец родное село.

Чье сердце не дрогнет при виде знакомой
До боли, до спазмы родной стороны!
И тяжесть становится вдруг невесомой,
И разом спадает усталость войны!

Что значили парню теперь километры?!
Ждала его встреча с семьей на войне,
В лицо ему дули родимые ветры,
И, кажется, сил прибавлялось вдвойне!

Но нет, не сбылось… Громыхнула граната…
Капризен солдатской судьбы произвол:
Две тысячи верст прошагал он до хаты,
А двадцать шагов – не сумел… не дошел…

Меж стиснутых пальцев солома желтела,
Поодаль валялся пустой автомат…
Недвижно навеки уснувшее тело,
Но все еще грозен убитый солдат!

И чудилось: должен в далеком Берлине
Солдат побывать, и, как прежде в бою,
Он будет сражаться, бессмертный отныне,
Бок о бок с друзьями шагая в строю.

За мысли такие бойцов не судите,
Пускай он в Берлин и ногой не ступил,
Но в списках победных его помяните —
Солдат эту почесть в боях заслужил!

Помните!

День Победы. И в огнях салюта
Будто гром: – Запомните навек,
Что в сраженьях каждую минуту,
Да, буквально каждую минуту
Погибало десять человек!

Как понять и как осмыслить это:
Десять крепких, бодрых, молодых,
Полных веры, радости и света
И живых, отчаянно живых!

У любого где-то дом иль хата,
Где-то сад, река, знакомый смех,
Мать, жена… А если неженатый,
То девчонка – лучшая из всех.

На восьми фронтах моей отчизны
Уносил войны водоворот
Каждую минуту десять жизней,
Значит, каждый час уже шестьсот!..

И вот так четыре горьких года,
День за днем – невероятный счет!
Ради нашей чести и свободы
Все сумел и одолел народ.

Мир пришел как дождь, как чудеса,
Яркой синью душу опаля…
В вешний вечер, в птичьи голоса,
Облаков вздымая паруса,
Как корабль плывет моя Земля.

И сейчас мне обратиться хочется
К каждому, кто молод и горяч,
Кто б ты ни был: летчик или врач,
Педагог, студент или сверловщица…

Да, прекрасно думать о судьбе
Очень яркой, честной и красивой.
Но всегда ли мы к самим себе
Подлинно строги и справедливы?

Ведь, кружась меж планов и идей,
Мы нередко, честно говоря,
Тратим время попросту зазря

На десятки всяких мелочей.

На тряпье, на пустенькие книжки,
На раздоры, где не прав никто,
На танцульки, выпивки, страстишки,
Господи, да мало ли на что!

И неплохо б каждому из нас,
А ведь есть душа, наверно, в каждом,
Вспомнить вдруг о чем-то очень важном,
Самом нужном, может быть, сейчас.

И, сметя все мелкое, пустое,
Скинув скуку, черствость или лень,
Вспомнить вдруг о том, какой ценою
Куплен был наш каждый мирный день!

И, судьбу замешивая круто,
Чтоб любить, сражаться и мечтать,
Чем была оплачена минута,
Каждая-прекаждая минута,
Смеем ли мы это забывать?!

И, шагая за высокой новью,
Помните о том, что всякий час
Вечно смотрят с верой и любовью
Вслед вам те, кто жил во имя вас!

Могила Неизвестного солдата

Могила Неизвестного солдата!
О, сколько их от Волги до Карпат!
В дыму сражений вырытых когда-то
Саперными лопатами солдат.

Зеленый горький холмик у дороги,
В котором навсегда погребены
Мечты, надежды, думы и тревоги
Безвестного защитника страны.

Кто был в боях и знает край передний,
Кто на войне товарища терял,
Тот боль и ярость полностью познал,
Когда копал «окоп» ему последний.

За маршем – марш, за боем – новый бой!
Когда же было строить обелиски?!
Доска да карандашные огрызки,
Ведь вот и все, что было под рукой!

Последний «послужной листок» солдата:
«Иван Фомин», и больше ничего.
А чуть пониже две коротких даты
Рождения и гибели его.

Но две недели ливневых дождей,
И остается только темно-серый
Кусок промокшей, вздувшейся фанеры,
И никакой фамилии на ней.

За сотни верст сражаются ребята.
А здесь, от речки в двадцати шагах,
Зеленый холмик в полевых цветах —
Могила Неизвестного солдата…

Но Родина не забывает павшего!
Как мать не забывает никогда
Ни павшего, ни без вести пропавшего,
Того, кто жив для матери всегда!

Да, мужеству забвенья не бывает.
Вот почему погибшего в бою
Старшины на поверке выкликают
Как воина, стоящего в строю!

И потому в знак памяти сердечной
По всей стране от Волги до Карпат
В живых цветах и день и ночь горят

Лучи родной звезды пятиконечной.
Лучи летят торжественно и свято,
Чтоб встретиться в пожатии немом,
Над прахом Неизвестного солдата,
Что спит в земле перед седым Кремлем!

И от лучей багровое, как знамя,
Весенним днем фанфарами звеня,
Как символ славы возгорелось пламя —
Святое пламя Вечного огня!

Письмо с фронта

Мама! Тебе эти строки пишу я,
Тебе посылаю сыновний привет,
Тебя вспоминаю, такую родную,
Такую хорошую, слов даже нет!

Читаешь письмо ты, а видишь мальчишку,
Немного лентяя и вечно не в срок
Бегущего утром с портфелем под мышкой,
Свистя беззаботно, на первый урок.

Грустила ты, если мне физик, бывало,
Суровою двойкой дневник украшал,
Гордилась, когда я под сводами зала
Стихи свои с жаром ребятам читал.

Мы были беспечными, глупыми были,
Мы все, что имели, не очень ценили,
А поняли, может, лишь тут, на войне:
Приятели, книжки, московские споры —
Все – сказка, все в дымке, как снежные горы…
Пусть так, возвратимся – оценим вдвойне!

Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов;
И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос кукушки…

За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры —
Ты здесь, ты со мною, родная моя!

В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поешь
И вместе со мною к далеким победам
Солдатской дорогой незримо идешь.

И чем бы в пути мне война ни грозила,
Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила,
И утром, не дрогнув, я в бой ухожу!

1943

На исходный рубеж

– Позволь-ка прикурить, земляк!
Склонились… Огонек мелькает…
– Да легче ты. Кури в кулак.
Опять патруль ночной летает.

С утра был дождик проливной,
Но к ночи небо чистым стало,
И в щелях, залитых водой,
Луна, качаясь, задрожала…

Шли по обочине гуськом,
Еще вчера был путь хороший,
А нынче мокрый чернозем
Лип к сапогам пудовой ношей.

Стряхни его – ступи ногой,
И снова то же повторится.
А утром с ходу прямо в бой…
– Эй, спать, товарищ, не годится!

Пехотный батальон шагал
Туда, где лопались ракеты,
Где высился Турецкий вал,
Еще не тронутый рассветом.

Все шли и думали. О чем?
О том ли, что трудна дорога?
О доме, близких иль о том,
Что хорошо б поспать немного?

Не спят уж третью ночь подряд,
Счет потеряли километрам,
А звезды ласково горят,
И тянет мягким южным ветром…

Конец дороге. Перекоп!
Но сон упрямо клеит веки…
Видать, привычка в человеке:
Ночлег бойцу – любой окоп.

Посмотришь – оторопь возьмет.
Повсюду: лежа, сидя, стоя,
В траншеях, в ровиках – народ
Спит, спит всего за час до боя!

Все будет: грохот, лязг и вой…
Пока ж солдатам крепко спится.
Глядят луна да часовой
На сном разглаженные лица.

1944

Вернулся

Другу Борису

Сгоревшие хаты, пустые сады,
Несжатые полосы хлеба.
Глазницы воронок зрачками воды
Уставились в мутное небо.

В разбитой часовенке ветер гудит,
Пройдя амбразуры и ниши,
И с хрустом губами листы шевелит
В изжеванной временем крыше.

Все рыжий огонь пролизал, истребил,
И вид пепелища ужасен.
Лишь дождь перевязкой воды исцелил
Осколком пораненный ясень.

К нему прислонился промокший солдат.
Вокруг ни плетня, ни строенья…
Не выскажешь словом, как тяжек возврат
К останкам родного селенья!

Нет сил, чтоб спокойно на это смотреть.
Такое любого расстроит.
Солдат же вернулся сюда не жалеть, —
Пришел он, чтоб заново строить!

1946

Прислали к нам девушку в полк медсестрой

Прислали к нам девушку в полк медсестрой.
Она в телогрейке ходила.
Отменно была некрасива собой,
С бойцами махорку курила.

Со смертью в те дни мы встречались не раз
В походах, в боях, на привале,
Но смеха девичьего, девичьих глаз
Солдаты давно не встречали.

Увы, красоте тут вовек не расцвесть!
На том мы, вздыхая, сходились.
Но выбора нету, а девушка есть,
И все в нее дружно влюбились.

Теперь вам, девчата, пожалуй, вовек
Такое не сможет присниться,
Чтоб разом влюбилось семьсот человек
В одну полковую сестрицу!

От старших чинов до любого бойца
Все как-то подтянутей стали,
Небритого больше не встретишь лица,
Блестят ордена и медали.

Дарили ей фото, поили чайком,
Понравиться каждый старался.
Шли слухи, что даже начштаба тайком
В стихах перед ней изливался.

Полковник и тот забывал про года,
Болтая с сестрицею нашей.
А ей, без сомнения, мнилось тогда,
Что всех она девушек краше.

Ее посещенье казалось бойцам
Звездою, сверкнувшей в землянке.
И шла медсестра по солдатским сердцам
С уверенно-гордой осанкой.

Но вот и Победа!.. Колес перестук…
И всюду, как самых достойных,
Встречали нас нежные взгляды подруг,
Веселых, красивых и стройных.

И радужный образ сестры полковой
Стал сразу бледнеть, расплываться.
Сурова, груба, некрасива собой…
Ну где ей с иными тягаться!

Ну где ей тягаться!.. А все-таки с ней
Мы стыли в промозглой траншее,
Мы с нею не раз хоронили друзей,
Шагали под пулями с нею.

Бойцы возвращались к подругам своим.
Ужель их за то осудить?
Влюбленность порой исчезает как дым,
Но дружбу нельзя позабыть!

Солдат ожидали невесты и жены.
Встречая на каждом вокзале,
Они со слезами бежали к вагонам
И милых своих обнимали.

Шумел у вагонов народ до утра —
Улыбки, букеты, косынки…
И в час расставанья смеялась сестра,
Старательно пряча слезинки.

А дома не раз еще вспомнит боец
О девушке в ватнике сером,
Что крепко держала семь сотен сердец
В своем кулачке загорелом!

1947

Трус

Страх за плечи схватил руками:
– Стой! На гибель идешь, ложись!
Впереди визг шрапнели, пламя…
Здесь окопчик – спасенье, жизнь.

Взвод в атаку поднялся с маху.
Нет, не дрогнул пехотный взвод.
Каждый липкие руки страха
Отстранил и шагнул вперед.

Трус пригнулся, дрожа всем телом,
Зашептал про жену, про дом…
Щеки стали простынно-белы,
Сапоги налились свинцом.

Взвод уж бился в чужих траншеях,
Враг не выдержал, враг бежал!
Трус, от ужаса костенея,
Вжался в глину и не дышал.

…Ночь подкралась бочком к пехоте,
В сон тяжелый свалила тьма,
И луна в золоченой кофте
Чинно села на край холма.

Мрак, редея, уходит прочь.
Скоро бой. Взвод с привала снялся.
Трус уже ничего не боялся, —
Был расстрелян он в эту ночь!

1948

Морская пехота

Пехота смертельно устала
Под Мгой оборону держать.
В окопах людей не хватало,
Двух рот от полка не собрать.

Двадцатые сутки подряд
От взрывов кипело болото.
Смертельно устала пехота,
Но помощи ждал Ленинград.

И в топи, на выступе суши,
Мы яростно бились с врагом.
Отсюда ракетным дождем
Без промаха били «катюши».

Да, было нам трудно, но вскоре
Ударил могучий прибой,
И на берег хлынуло море
Тяжелой, гудящей волной.

Штыки, бескозырки, бушлаты,
На выручку друга, вперед!
Держитесь, держитесь, ребята!
Морская пехота идет!

Врагу мы повытрясли душу,
А в полдень под тенью берез
Сидели наводчик «катюши»
И русый плечистый матрос.

Костер сухостоем хрустел.
Шипел котелок, закипая.
Матрос, автомат прочищая,
Задумчиво, тихо свистел…

Недолог солдатский привал,
Но мы подружиться успели,
Курили, смеялись и пели,
Потом он, прощаясь, сказал:

– Пора мне, братишка, к своим,
В бою я, сам знаешь, не трушу.
Ты славно наводишь «катюшу»,
И город мы свой отстоим.

Дай лишнюю пачку патронов.
Ну, руку, дружище! Прощай.
Запомни: Степан Филимонов.
Жив будешь, в Кронштадт приезжай.

А коли со мною что будет,
То вскоре на кромку огня
Другой Филимонов прибудет —
Сын Колька растет у меня.

Окончилась встреча на этом.
Военная служба не ждет.
На новый участок с рассветом
Морская пехота идет.

Погиб Филимонов под Брестом,
О том я недавно узнал.
Но сын его вырос и встал
В строю на свободное место.

Вот мимо дворов, мимо кленов
Чеканно шагает отряд.
Идет Николай Филимонов
Среди загорелых ребят.

С обочин и слева и справа
Им радостно машет народ:
Идет наша русская слава —
Морская пехота идет!

1949

Моему сыну

Я на ладонь положил без усилия
Туго спеленатый теплый пакет.
Отчество есть у него и фамилия,
Только вот имени все еще нет.

Имя найдем. Тут не в этом вопрос.
Главное то, что мальчишка родился!
Угол пакета слегка приоткрылся,
Видно лишь соску да пуговку-нос…

В сад заползают вечерние тени.
Спит и не знает недельный малец,
Что у кроватки сидят в восхищенье
Гордо застывшие мать и отец.

Раньше смеялся я, встретив родителей,
Слишком пристрастных к младенцам своим.
Я говорил им: «Вы просто вредители,
Главное – выдержка, строгость, режим!»

Так поучал я. Но вот, наконец,
В комнате нашей заплакал малец.
Где наша выдержка? Разве ж мы строги?
Вместо покоя – сплошные тревоги:

То наша люстра нам кажется яркой,
То сыну холодно, то сыну жарко,
То он покашлял, а то он вздохнул,
То он поморщился, то он чихнул…

Впрочем, я краски сгустил преднамеренно.
Страхи исчезнут, мы в этом уверены.
Пусть холостяк надо мной посмеется,
Станет родителем – смех оборвется.

Спит мой мальчишка на даче под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами.
Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами…

Вырастет он и узнает, как я
Жил, чтоб дороги те стали прямее.
Я защищал их, и вражья броня
Гнулась, как жесть, перед правдой моею!

Шел я недаром дорогой побед.
Вновь утро мира горит над страною.
Но за победу, за солнечный свет
Я заплатил дорогою ценою.

В гуле боев, много весен назад,
Шел я и видел деревни и реки,
Видел друзей. Но ударил снаряд —
И темнота обступила навеки…

– Доктор, да сделайте ж вы что-нибудь!
Слышите, доктор! Я крепок, я молод. —
Доктор бессилен. Слова его – холод:
– Рад бы, товарищ, да глаз не вернуть.

– Доктор, оставьте прогнозы и книжки!
Жаль, вас сегодня поблизости нет.
Ведь через десять полуночных лет
Из-под ресниц засияв, у сынишки
Снова глаза мои смотрят на свет.

Раньше в них было кипение боя,
В них отражались пожаров огни.
Нынче глаза эти видят иное,
Стали спокойней и мягче они,
Чистой ребячьей умыты слезою.

Ты береги их, мой маленький сын!
Их я не прятал от правды суровой,
Я их не жмурил в атаке стрелковой,
Встретясь со смертью один на один.

Ими я видел и сирот, и вдов,
Ими смотрел на гвардейское знамя,
Ими я видел бегущих врагов,
Видел победы далекое пламя.

С ними шагал я уверенно к цели,
С ними страну расчищал от руин.
Эти глаза для Отчизны горели!
Ты береги их, мой маленький сын!

Тени в саду все длиннее ложатся…
Где-то пропел паровозный гудок…
Ветер, устав по дорогам слоняться,
Чуть покружил и улегся у ног…

Спит мой мальчишка на даче под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами.

Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами…

Нет! Не пойдет он тропинкой кривою.
Счастье себе он добудет иное:
Выкует счастье, как в горне кузнец.
Верю я в счастье его золотое.
Верю всем сердцем! На то я – отец.

1954

Шли солдаты

Вдоль села, держа равненье,
Мимо школы, мимо хат,
Шел с военного ученья
По дороге взвод солдат.

Солнце каски золотило,
Пламенел колхозный сад.
Свой шуршащий листопад
Осень под ноги стелила.

До казарм неблизок путь,
Шли, мечтая о привале,
Только песню не бросали —
С песней шире дышит грудь.

Возле рощи над рекою
Лейтенант фуражку снял,
Пот со лба смахнул рукою
И скомандовал: – Привал!

Ветер, травы шевеля,
Обдавал речной прохладой.
За рекой мычало стадо,
А кругом поля, поля…

От села дымком тянуло,
Рожь косынками цвела.
Песня крыльями взмахнула
И над рощей поплыла.

Снял планшетку лейтенант,
Подошел к воде умыться.
– Разрешите обратиться, —
Козырнул ему сержант.

– Там девчата говорят,
Что рабочих рук нехватка.
Нам помочь бы для порядка,
Кто желает из солдат?

Взводный молвил: – Одобряю.
Только время нас не ждет.
Но коль просит целый взвод,
В счет привала – разрешаю.

Рожь качалась впереди
И приветливо шепталась:
– Ну, гвардейцы, прочь усталость,
Кто желает, выходи!

Не жалели рук ребята.
Как грибы, скирды росли.
Восхищенные девчата
Надивиться не могли.

После крепко руки жали,
Угощали молоком,
Шумно с песней всем селом
До плотины провожали.

Солнце село в отдаленье,
На воде дрожал закат.
Шел с военного ученья
По дороге взвод солдат.

1954

Стихи о солдатской шутке

Из чьих-то уст взлетела над кострами,
На миг повисла пауза… И эхо
Метнулось в лес широкими кругами
Солдатского раскатистого смеха.

Ой, шутка, шутка – выдумка народа!
Порой горька, порой солоновата,
Ты облегчала тяготы похода,
Гнала тоску окопного солдата.

Случись привал, свободная минутка
В степи, в лесу на пнях бритоголовых,
Как тотчас в круг уже выходит шутка,
Светлеют лица воинов суровых.

Повсюду с нами в стужу и метели,
В жару и грязь по придорожным вехам
Шагала ты в пилотке и шинели
И с вещмешком, набитым громким смехом.

Звучал приказ. Снаряды землю рыли.
Вперед, гвардейцы! Страха мы не знаем.
Что скромничать – мы так фашистов били,
Что им и смерть порой казалась раем…

Все позади: вернулись эшелоны,
Страна опять живет по мирным планам.
Мы из винтовок вынули патроны,
Но выпускать из рук оружье рано.

Взвод на ученье. Грозен шаг у взвода.
А в перекур веселье бьет каскадом.
Ой, шутка, шутка – выдумка народа!
Ты снова здесь, ты снова с нами рядом.

Кто нерадив, кто трудности боится,
Ребята дружно высмеять готовы.
И вот сидит он хмурый и пунцовый
И рад бы хоть сквозь землю провалиться…

И в мирный час, как в час войны когда-то,
Солдат наш свято долг свой исполняет.
Что б ни стряслось – солдат не унывает,
И всюду шутка – спутница солдата.

В кругу друзей, свернувши самокрутку,
Стоит солдат и весело смеется.
Но грянь война – враг горько ошибется:
В бою солдат наш гневен не на шутку!

1955

Новобранцы

Тяжелые ранцы,
Усталые ноги.
Идут новобранцы
По пыльной дороге.

Ремни сыромятные
Врезались в плечи.
Горячее солнце
Да ветер навстречу.

Седьмая верста,
И восьмая верста.
Ни хаты, ни тени,
Дорога пуста.

Броски, перебежки,
Весь день в напряженье.
Упасть бы в траву
И лежать без движенья.

Нет сил сапога
Оторвать от земли.
Броски, перебежки,
«Коротким, коли!»

О милой забудешь,
Шутить перестанешь.
Сдается, что так
Ты недолго протянешь.

Проходит неделя,
Проходит другая,
Ребята бодрее
И тверже шагают.

И кажется, ветер
Гудит веселее
И пот утирает
Ладонью своею.

Ремни уж не режут
Плеча, как бывало.
Все чаще, все звонче
Поет запевала.

Светлее улыбки,
Уверенней взгляд,
И письма к любимой
Все чаще летят.

От выкладки полной
Не горбятся спины.
Былых новобранцев
Уж нет и в помине.

Широкая песня
Да крепкие ноги.
Шагают солдаты
Вперед по дороге!

1955

Рассказ о войне

В блиндаже, на соломе свернувшись,
Я нередко мечтал в тишине,
Как, в родную столицу вернувшись,
Поведу я рассказ о войне.

Развалюсь на широком диване,
Ароматный «Казбек» закурю
И все то, что обдумал заране,
Слово в слово родным повторю.

Расскажу им про белые ночи,
Не про те, что полны вдохновенья,
А про те, что минуты короче,
Если утром идти в наступленье.

Ночи белые чуду подобны!
Но бойцы тех ночей не любили:
В эти ночи особенно злобно
Нас на Волховском фронте бомбили.

Вспомню стужу и Малую Влою,
Где к рукам прилипали винтовки,
Где дружок мой, рискнув головою,
Бросил немцам в окопы листовки.

Не сработал «моральный заряд»,
Немцы, видно, листков не читали.
Девять раз мы в атаку вставали,
Девять раз отползали назад.

Только взяли мы Малую Влою,
Взяли кровью, упорством, штыками,
Взяли вместе с германской мукою,
Складом мин и «трофейными» вшами.

Расскажу, как убит был в сраженье
Мой дружок возле Волхов-реки,
Как неделю я был в окруженье
И в ладонь шелушил колоски.

Я настолько был полон войною,
Что, казалось, вернись я живым,
Я, пожалуй, и рта не закрою —
И своим расскажу и чужим.

Переправы, походы, метели…
Разве вправе о них я забыть?!
Если даже крючки на шинели —
Дай язык им – начнут говорить!

Так я думал в холодной землянке,
Рукавом протирая прицел,
На разбитом глухом полустанке,
Что на подступах к городу Л.

Только вышло, что мы опоздали.
И пока мы шагали вперед,
Про войну, про суровый поход
Здесь немало уже рассказали.

Даже то, как мы бились за Влою,
Описали в стихах и романе
Те, кто, может быть, был под Уфою
Или дома сидел на диване.

Только нам ли, друзья, обижаться,
Если первыми тут не успели?
Все же нам доводилось сражаться,
Все же наши походы воспели!

Значит, мы не в убытке в итоге,
И спасибо за добрые книжки.
Еще долго любому мальчишке
Будут грезиться наши дороги…

А рассказы? И мы не отстанем,
И расскажем, и песню затянем.
А к тому же нашивки и раны —
Это тоже стихи и романы!

Снова песни звенят по стране.
Рожь встает, блиндажи закрывая.
Это тоже рассказ о войне,
Наше счастье и слава живая!

1955

Я поэт сугубо молодежный

Друзья мои! Понять совсем не сложно,
Зачем я больше лирику пишу,
Затем, что быть сухим мне просто тошно,
А я – поэт сугубо молодежный,
И вы об этом помните. Прошу!

Я рассказал бы, как цеха дымятся,
Познал бы все, увидел, превзошел,
Когда б в свои мальчишеских семнадцать
Я на войну с винтовкой не ушел.

Да вышло так, что юность трудовая
В судьбу мою не вписана была.
Она была другая – боевая,
Она в аду горела, не сгорая,
И победила. Даром не прошла!

Я всей судьбою с комсомолом слился,
Когда учился и когда мечтал.
Я им почти что даже не гордился,
Я просто им, как воздухом, дышал!

Я взял шинель. Я понимал в те годы,
Что комсомол, испытанный в огне,
Хоть до зарезу нужен на заводе,
Но все же трижды нужен на войне.

Над лесом орудийные зарницы,
А до атаки – несколько часов.
Гудит метель на сорок голосов,
Видать, и ей в такую ночь не спится.

А мой напарник приподнимет бровь
И скажет вдруг: – Не посчитай за службу,
Давай, комсорг, прочти-ка нам про дружбу! —
И улыбнется: – Ну и про любовь…

И я под вздохи тяжкие орудий,
Сквозь треск печурки и табачный дым
Читал стихи моим пристрастным судьям
И самым первым критикам моим.

К чему хитрить, что все в них было зрело,
И крепок слог, и рифма хороша.
Но если в них хоть что-нибудь да пело,

Так то моя мальчишечья душа.

Давно с шинелей спороты погоны
И напрочь перечеркнута война.
Давно в чехлах походные знамена,
И мир давно, и труд, и тишина.

Цветет сирень, в зенит летят ракеты,
Гудит земля от зерен налитых.
Но многих нету, очень многих нету
Моих друзей, товарищей моих…

Горячие ребята, добровольцы,
Мечтатели, безусые юнцы,
Не ведавшие страха комсомольцы,
Не знавшие уныния бойцы!

Могилы хлопцев вдалеке от близких,
В полях, лесах и в скверах городов,
Фанерные дощечки, обелиски
И просто – без дощечек и цветов.

Но смерти нет и никогда не будет!
И если ухо приложить к любой —
Почудится далекий гул орудий
И отголосок песни фронтовой.

И я их слышу, слышу! И едва ли
В душе моей затихнет этот гром.
Мне свято все, о чем они мечтали,
За что дрались и думали о чем.

Всего не скажешь – тут и жизни мало.
Есть тьма имен и множество томов.
Мне часто ночью грезятся привалы
И тихие беседы у костров.

А мой напарник приподнимет бровь
И вдруг промолвит: – Не сочти за службу,
А ну, дружище, прочитай про дружбу! —
И улыбнется: – Ну и про любовь…

И я, навек той верою согрет,
Пишу о дружбе в память о друживших
И о любви – за них, недолюбивших,
За них, за тех, кого сегодня нет.

Горячие ребята, добровольцы,
Мечтатели, безусые юнцы,

Не ведавшие страха комсомольцы,
Не знавшие уныния бойцы!

Итак, друзья, понять совсем не сложно,
Зачем я больше лирику пишу.
Затем, что быть сухим мне просто тошно,
А я – поэт сугубо молодежный,
И вы об этом помните. Прошу!

1964

Велики ль богатства у солдата?..

Велики ль богатства у солдата?
Скатка, автомат, да вещмешок,
Да лопатка сбоку, да граната,
Да простой походный котелок.

А еще родимая земля —
От границ до самого Кремля.

1966

Статистика войны

О, сколько прошло уже светлых лет,
А все не кончается горький след.

И ныне для каждой десятой женщины
Нет ни цветов, ни фаты невесты.
И ей будто злою судьбой завещано
Рядом навечно пустое место…

Но пусть же простит нас она, десятая.
Мужчины пред ней – без вины виноватые:
Ведь в тяжкие годы в моей стране
Каждый десятый погиб на войне.

Безмолвье – ему. Безнадежность – ей.
Только бы все это не забылось!
Только бы люди стали мудрей
И все это снова не повторилось!

1974

Неприметные герои

Я часто слышу яростные споры,
Кому из поколений повезло.
А то вдруг раздаются разговоры,
Что, дескать, время подвигов прошло.

Лишь на войне кидают в дот гранаты,
Идут в разведку в логово врага,
По стеклам штаба бьют из автомата
И в схватке добывают «языка».

А в мирный день такое отпадает.
Ну где себя проявишь и когда?
Ведь не всегда пожары возникают,
И тонут люди тоже не всегда!

Что ж, коль сердца на подвиги равняются,
Мне, скажем прямо, это по душе.
Но только так проблемы не решаются,
И пусть дома пореже загораются,
А люди пусть не тонут вообще!

И споры о различье поколений,
По-моему, нелепы и смешны.
Ведь поколенья, так же как ступени,
Всегда равны по весу и значенью
И меж собой навечно скреплены.

Кто выдумал, что нынче не бывает
Побед, ранений, а порой смертей?
Ведь есть еще подобие людей
И те, кто перед злом не отступают.

И подвиг тут не меньше, чем на фронте!
Ведь дрянь, до пят пропахшая вином,
Она всегда втроем иль впятером.
А он шагнул и говорит им: – Бросьте!

Там – кулаки с кастетами, с ножами,
Там ненависть прицелилась в него.
А у него лишь правда за плечами
Да мужество, и больше ничего!

И пусть тут быть любой неравной драке,
Он не уйдет, не повернет назад.
А это вам не легче, чем в атаке,

И он герой не меньше, чем солдат!

Есть много разновидностей геройства,
Но я бы к ним еще приплюсовал
И мужество чуть-чуть иного свойства:
Готовое к поступку благородство,
Как взрыва ожидающий запал.

Ведь кажется порой невероятно,
Что подвиг рядом, как и жизнь сама.
Но, для того чтоб стало все понятно,
Я приведу отрывок из письма:

«…Вы, Эдуард Аркадьевич, простите
За то, что отрываю Вас от дел.
Вы столько людям нужного творите,
А у меня куда скромней удел!

Мне девятнадцать. Я совсем недавно
Окончил десять классов. И сейчас
Работаю механиком комбайна
В донецкой шахте. Вот и весь рассказ.

Живу, как все. Мой жизненный маршрут
Один из многих. Я смотрю реально:
Ну, изучу предметы досконально,
Ну, поступлю и кончу институт.

Ну, пусть пойду не узенькой тропою.
И все же откровенно говорю,
Что ничего-то я не сотворю
И ничего такого не открою.

Мои глаза… Поверьте… Вы должны
Понять, что тут не глупая затея…
Они мне, как и всякому, нужны,
Но Вам они, конечно же, нужнее!

И пусть ни разу не мелькнет у Вас
Насчет меня хоть слабое сомненье.
Даю Вам слово, что свое решенье
Я взвесил и обдумал много раз!

Ведь если снова я верну Вам свет,
То буду счастлив! Счастлив, понимаете?!
Итак, Вы предложенье принимаете.
Не отвечайте только мне, что нет!

Я сильный! И, прошу, не надо, слышите,

Про жертвы говорить или беду.
Не беспокойтесь, я не пропаду!
А Вы… Вы столько людям понапишете!

А сделать это можно, говорят,
В какой-то вашей клинике московской.
Пишите. Буду тотчас, как солдат.
И верьте мне: я вправду буду рад.
Ваш друг, механик Слава Комаровский».

Я распахнул окно и полной грудью
Вдохнул прохладу в предвечерней мгле.
Ах, как же славно, что такие люди
Живут средь нас и ходят по земле!

И не герой, а именно герои!
Давно ли из Карелии лесной
Пришло письмо. И в точности такое ж,
От инженера Маши Кузьминой.

Да, имена… Но суть не только в них,
А в том, что жизнь подчас такая светлая,
И благородство, часто неприметное,
Живет, горит в товарищах твоих.

И пусть я на такие предложенья
Не соглашусь. Поступок золотой
Ничуть не сник, не потерял значенья.
Ведь лишь одно такое вот решенье
Уже есть подвиг. И еще какой!

И я сегодня, как поэт и воин,
Скажу, сметая всяческую ложь,
Что я за нашу молодежь спокоен,
Что очень верю в нашу молодежь!

И никакой ей ветер злой и хлесткий,
И никакая подлость не страшна,
Пока живут красиво и неброско
Такие вот, как Слава Комаровский,
Такие вот, как Маша Кузьмина!

Песня о мужестве

Памяти болгарской пионерки Вали Найденовой посвящаю
Автор

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата,
Крашеная дверь.

Э. Багрицкий

Я эту поэму с детства читал,
Волнуясь от каждой строки,
Читал и от боли бессильно сжимал
Мальчишечьи кулаки.

Я шел по проулку вечерней Москвой,
Зажженный пламенем темы,
И, словно живая, была предо мной
Девочка из поэмы.

Те строки бессмертны. Но время не ждет.
И мог ли я думать, что ныне
Судьба меня властной рукой приведет
К другой, живой Валентине?!

Нет прав на сомненье, – смогу не смогу? —
Когда невозможно молчать!
Я помню. Я в сердце ее берегу.
Я должен о ней рассказать!

Пусть жизнь эта будет примером для нас
Самой высокой мерки.
Но хватит. Пора. Начинаю рассказ
О маленькой пионерке.

1. Новая пациентка

Машина. Рессоры тряские…
Больница. Плафонов лучи…
Русские и болгарские
Склонились над ней врачи.

Лечиться, значит, лечиться!

Сердца неровный стук,
Худенькие ключицы,
Бледная кожа рук.

Дышала с трудом, белея
В подушках и простынях,
Лишь галстук на тонкой шее
Костром полыхал в снегах.

Отглаженный, новенький, красный,
Всем в мире врагам – гроза,
Такой же горячий и ясный,
Как девочкины глаза.

Кто-то сказал: – Простите,
Но он ей может мешать.
Прошу вас, переведите:
Что лучше пока бы снять.

Но Валя сдержала взглядом
И с мягким акцентом: – Нет!
Пожалуйста. Снять не надо.
Он мне хорошо надет!

Клянусь вам, он не мешает!
Вот, кажется, все прошло.
Он даже мне помогает,
Когда совсем тяжело.

Откинулась на подушки,
Сердце стучит, стучит…
Русская доктор слушает,
Слушает и молчит…

Сердце, оно тугое,
Оно с кулачок всего,
А это совсем иное:
Измученное, больное,
Ни сил, ни мышц – ничего!

Порок. Тяжелый и сложный.
Все замерли. Ждут тревожно.
Может, побьем, победим?
Но вывод как нож: безнадежно,
Пробовать было бы можно,
Когда бы не ревматизм.

А вслух улыбнулась: будет,
Полечимся, последим.

Вот профессор прибудет,
Тогда мы все и решим.

Боли бывают разными:
То острыми вроде зубной,
То жгут обручами красными,
То пилят тупой пилой.

А ей они все достались.
Вот они… снова тут!
Как волки, во тьме подкрались,
Вцепились разом и рвут.

Закрыла глаза. Побелела.
Сомкнутый рот горяч…
А свора кромсает тело.
Сдавайся, мучайся, плачь!

Но что это? Непонятно!
Звон в ушах или стон?
Песня? Невероятно!
Похоже, что просто сон.

«Орленок, орленок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел.
Лети на станицу, родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел».

Доктор губу закусила:
– У девочки, видно, бред. —
Та смолкла. Глаза открыла.
И ясно проговорила:
– Доктор, поверьте. Нет!

Врач на коллег взглянула.
Одна шепнула: – Прошу! —
Тихо на дверь кивнула:
– Выйдем, я расскажу.

2. Рассказ о Валином дедушке

Дед был у Вали солдатом,
Трубил мировую войну.
Контужен был на Карпатах,
Потом был в русском плену.

Вот там и была развеяна

Ложь короля, как дым.
Развеяна правдой Ленина
И словом его живым.

Когда ж довелось вернуться им
К селам родных Балкан,
Он стал бойцом революции
И совестью партизан.

Был дерзким, прямым, открытым,
Смертником был – бежал.
Сам Георгий Димитров
Не раз ему руку жал.

А в час, когда на Балканы
Фюрер прислал «егерей»,
Их встретили партизаны
Вспышками батарей.

Однажды у Черных Кленов,
В бою прикрывая брод,
Упал партизан Найденов
На замерший пулемет.

Вдруг стало безвольным тело,
Повисла рука, как плеть.
И с хохотом посмотрела
В лицо партизану смерть…

Один на один с врагами.
Недолго осталось ждать.
Сейчас его будут штыками
Мучительно добивать.

И все-таки рано, рано
Над ним панихиду петь!
Раны – всего лишь раны.
И это еще не смерть!

Как он сумел и дожил?
Никто теперь не поймет.
Но только вдруг снова ожил
Замерший пулемет.

Всю ночь свинцовой струею,
Швыряя фашистов в снег,
Стрелял одною рукою
Израненный человек!

Потом в партизанской землянке
Фельдшер молчал, вздыхал,
Трогал зачем-то склянки
И, наконец, сказал:

– Рука никуда не годится.
И нужно срочно… того…
Короче, с рукой проститься,
А у меня – ни шприца,
Ни скальпеля, ничего!

Только вот спирт да ножовка,
Бинт да квасцов кристалл,
Да, может, моя сноровка,
Ну вот и весь «арсенал»!

Без капли новокаина
От боли возможен шок…
– Но я покуда мужчина!
И вот еще что, сынок:

Когда-то в красной России
Мне дали характер без дрожи.
Не надо анестезии!
Водки не надо тоже.

Теперь приступай к задаче
И брось, молодец, вздыхать.
Мы боль победим иначе,
Как все должны побеждать.

Он встал под низким накатом,
В холодный мрак поглядел
И голосом хрипловатым
Вдруг тихо-тихо запел.

От боли душа горела
И свет был сажи черней.
От боли горело тело…
А песня росла, гремела
Все яростней, чем больней!

Летела прямо к порогу,
Вторя ночной пальбе:
«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!»

Вот так, только щурясь глазом,
Он боль, как врага, крушил.

Не застонал ни разу.
Выдержал, победил!..

Кончив, болгарка смолкла.
В комнате – тишина…
Плыла кораблем сквозь стекла
Матовая луна.

Тени на шторах дрожали
И таяли, как туман…
– Вот каким был у Вали
Дед ее, партизан.

До самой своей кончины
Ни разу не отступал.
Таким он вырастил сына
И внучку так воспитал!

Наверно, таких едва ли
Сломят беда или страх.
Вот откуда у Вали
Этот огонь в глазах.

Все боли выносит стоически,
А если совсем прижмет,
Закроет глаза и поет,
Русские песни поет —
И самые героические!

Русская врач невольно,
Встав, отошла к окну.
– Я все поняла. Довольно.
И лишь одно не пойму:

Там в бурях держались стойко
Солдаты: отец и дед.
А тут ведь ребенок только,
Девчушка в двенадцать лет!

– Вы верно сейчас сказали.
И разница лет не пустяк.
Но если спросите Валю,
Она вам ответит так:

«Нельзя нам, не можем гнуться мы,
Если не гнулись отцы.
Потомки бойцов Революции
Тоже всегда бойцы!»

3. Профессор, я поняла…

– Прошу приподнять изголовье!
Вот так. До моей руки. —
Профессор нахмурил брови,
Сдвинул на лоб очки.

К лопатке прижался ухом.
Сердце, ровней стучи!
Сзади немым полукругом
Почтительные врачи.

Смотрит кардиограмму.
Молчание, как гроза…
А там возле двери – мама…
Нет, только ее глаза!

Огромные и тревожные,
Они заполняют весь свет!
Скажите: можно ли? Можно ли?
Или надежды нет?!

Профессор глядит на дорогу,
На клены, на облака.
Наука умеет многое,
Да только не все пока…

Сердце девочки лапами
Сжал ревматизм, как спрут.
Еле живые клапаны,
Тронь – и совсем замрут.

Глаза… Они ждут тревожно.
Ну как им сейчас сказать
О том, что все безнадежно,
Не сложно, а невозможно,
И нечего больше ждать?!

И все-таки пробовать будем!
На край кровати присел:
– Давай, Валюта, обсудим
Подробности наших дел!

Беседовал непринужденно
О будущем, о делах,
Пошучивал бодрым тоном
И прятал печаль в глазах.

Хотел улыбнуться взглядом,
А душу боль обожгла…
– Все ясно, доктор… Не надо.
Спасибо. Я поняла…

4. Последнее утро

Сколько воздуха в мире,
Кто подсчитать бы смог?
Над Африкой, над Сибирью
Огромный течет поток.

Он кружит суда морские,
Несет паутинок вязь,
И клены по всей Софии
Раскачивает, смеясь.

Сколько воздуха в мире,
Разве охватит взор?
Он всех океанов шире
И выше громадных гор.

Он все собой заполняет,
Он в мире щедрей всего.
Так почему ж не хватает
Маленьким легким его?!

Распахнуты настежь стекла
В залитый солнцем сад.
Листва от росы намокла,
Птицы в ветвях свистят.

Ползет по кровати солнце,
Как яркий жук по траве.
Томик о краснодонцах
Раскрыт на шестой главе.

Сегодня сердце не знает,
Как ему отдохнуть.
Колотится, замирает,
Всю грудь собой заполняет
И не дает вздохнуть!

Боли бывают разными:
То острыми вроде зубной,
То жгут обручами красными,

То пилят тупой пилой.

Вот они под знаменами
Злобных фашистских рот
Мерными эшелонами
Двигаются вперед.

Но сердце все-таки бьется,
Упорное, как всегда.
Тот, кто привык бороться,
Не сломится никогда!

Пусть боль обжигает тело!
Бой не окончен. И вот
Она поднялась, и села,
И, брови сведя, запела,
Прямо глядя вперед.

Трубы поют тревогу,
К светлой зовя судьбе:
«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!»

Халаты, бледные лица,
Но что в их силах сейчас?
Бессильно молчит больница,
Не подымая глаз.

В приемной коврик от солнца,
Ползет по стеклу мотылек…
А из палаты несется
Тоненький голосок.

И столько сейчас в нем было
Красных, как жар, лучей,
И столько в нем было силы,
Что нету ее сильней!

Пусть жизнь повернулась круто,
Пускай хоть боль, хоть свинец, —
До самой последней минуты
Стоит на посту боец!

Полдень застыл на пороге,
А в коридоре, в углу,
Плакал профессор строгий,
Лбом прислонясь к стеклу…

Голос звучит, он слышен,

Но гаснет его накал,
Вот он все тише… тише…
Дрогнул и замолчал…

Ползет по кровати солнце,
Как яркий жук по траве.
Томик о краснодонцах
Раскрыт на шестой главе.

Стоят в карауле клены
Недвижно перед крыльцом.
Склоняет весна знамена
В молчании над бойцом.

И с этой печалью рядом
Туманится болью взгляд.
Но плакать нельзя, не надо!
В ветре слова звучат:

«Нельзя нам, не можем гнуться мы,
Когда не гнулись отцы.
Потомки бойцов Революции
Тоже всегда бойцы!»

Она не уйдет, не исчезнет,
Ее не спрятать годам.
Ведь сердце свое и песню
Она оставила нам.

Вручила, как эстафету,
Той песни огонь живой,
Как радостный луч рассвета,
Как свой салют боевой!

Вручила в большую дорогу
Мне, и тебе, и тебе…
«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!»

1964

«Я проснулся утром и сказал…»

Я проснулся утром и сказал:
– Видел я сейчас забавный сон.
Будто был я нынче приглашен
Дятлом на какой-то птичий бал.

Хором песни пели петухи,
Лес кивал зеленою листвой,
А пингвин, малюсенький такой,
Вдруг прочел Есенина стихи.

Ты журнал с улыбкою закрыла,
Сладко потянулась, как всегда,
И, зевнув, спокойно перебила:
– Лес… пингвин… Какая ерунда!..

Ты смешна – прости, коли обижу.
Сон совсем не безразличен мне.
Днем живу во тьме я, а во сне,
А во сне я, понимаешь, вижу.

Дым отечества

Как лось охрипший, ветер за окошком
Ревет и дверь бодает не щадя,
А за стеной холодная окрошка
Из рыжих листьев, града и дождя.

А к вечеру – ведь есть же чудеса —
На час вдруг словно возвратилось лето.
И на поселок, рощи и леса
Плеснуло ковш расплавленного света.

Закат мальцом по насыпи бежит,
А с двух сторон, в гвоздиках и ромашках,
Рубашка-поле, ворот нараспашку,
Переливаясь, радужно горит.

Промчался скорый, рассыпая гул,
Обдав багрянцем каждого окошка.
И рельсы, словно «молнию»-застежку,
На вороте со звоном застегнул.

Рванувшись к туче с дальнего пригорка,
Шесть воронят затеяли игру.
И тучка, как трефовая шестерка,
Сорвавшись вниз, кружится на ветру.

И падает туда, где, выгнув талию
И пробуя поймать ее рукой,
Осина пляшет в разноцветной шали,
То дымчатой, то красно-золотой.

А рядом в полинялой рубашонке
Глядит в восторге на веселый пляс
Дубок-парнишка, радостный и звонкий,
Сбив на затылок пегую кепчонку,
И хлопая в ладоши, и смеясь.

Два барсука, чуть подтянув штаны
И, словно деды, пожевав губами,
Накрыли пень под лапою сосны
И, «тяпнув» горьковатой белены,
Закусывают с важностью груздями.

Вдали холмы подстрижены косилкой,
Топорщатся стернею там и тут,
Как новобранцев круглые затылки,

Что через месяц в армию уйдут.

Но тьма все гуще снизу наползает,
И белка, как колдунья, перед сном
Фонарь луны над лесом зажигает
Своим багрово-пламенным хвостом.

Во мраке птицы словно растворяются.
А им взамен на голубых крылах
К нам тихо звезды первые слетаются
И, размещаясь, ласково толкаются
На проводах, на крышах и ветвях.

И у меня такое ощущенье,
Как будто бы открылись мне сейчас
Душа полей и леса настроенье,
И мысли трав, и ветра дуновенье,
И даже тайна омутовых глаз…

И лишь одно с предельной остротой
Мне кажется почти невероятным:
Ну как случалось, что с родной землей
Иные люди разлучась порой,
Вдруг не рвались в отчаянье обратно?!

Пусть так бывало в разные века.
Да и теперь бывает и случается.
Однако я скажу наверняка
О том, что настоящая рука
С родной рукой навеки не прощается!

И хоть корил ты свет или людей,
Что не добился денег или власти,
Но кто и где действительное счастье
Сумел найти без Родины своей?!

Все что угодно можно испытать:
И жить в чести, и в неудачах маяться,
Однако на Отчизну, как на мать,
И в смертный час сыны не обижаются!

Ну вот она – прекраснее прекрас,
Та, с кем другим нелепо и равняться,
Земля, что с детства научила нас
Грустить и петь, бороться и смеяться!

Уснул шиповник в клевере по пояс,
Зарницы сноп зажегся и пропал,
В тумане где-то одинокий поезд,

Как швейная машинка, простучал…

А утром дятла работящий стук,
В нарядном первом инее природа,
Клин журавлей, нацеленный на юг,
А выше, грозно обгоняя звук,
Жар-птица – лайнер в пламени восхода.

Пень на лугу как круглая печать.
Из-под листа – цыганский глаз смородины.
Да, можно все понять иль не понять,
Все пережить и даже потерять.
Все в мире, кроме совести и Родины!

1978

Ночная песня

Фиолетовый вечер забрался в сад,
Рассыпая пушинками сновиденья.
А деревья все шепчутся и не спят,
А деревья любуются на закат,
И кивают, и щурятся с наслажденьем.

«Спать пора», – прошептал, улыбаясь, вечер,
Он приятелю синим платком махнул,
И тогда, по-разбойничьи свистнув, ветер
Подлетел и багровый закат задул.

Покружил и умчал по дороге прочь.
Сразу стало темно и пустынно даже.
Это в черных одеждах шагнула ночь
И развесила мрак, как густую пряжу.

И от этой сгустившейся темноты,
Что застыла недвижно, как в карауле,
Все деревья, все травы и все цветы
Тихо-тихо ресницы свои сомкнули.

А чтоб спать им светло и спокойно было
И никто не нарушил бы тишину,
Ночь бесшумно созвездья вверху включила
И большую оранжевую луну.

Всюду блики: по саду и у крылечка,
Будто кто-то швырнул миллион монет.
За оврагом притихшая сонно речка,
Словно мокрый асфальт, отражает свет.

У рябины во мраке дрожат рубины
Темно-красным огнем. А внизу под ней
Сруб колодца, как горло бутыли винной,
Что закопана в землю до вешних дней.

В вышину, точно в вечность, раскрыты двери.
Над кустами качается лунный дым,
И трава, будто мех дорогого зверя,
Отливает то синим, то золотым…

Красота – все загадочней, ярче, шире,
Словно всюду от счастья висят ключи.
Тонко звезды позванивают в эфире…
И затмить красоту эту может в мире

Лишь любовь, что шагнет вдруг к тебе в ночи.

1976

Звезды живут, как люди

Ну как мы о звездах судим?
Хоть яркие, но бесстрастные.
А звезды живут по-разному,
А звезды живут, как люди.

Одни – будто сверхкрасавицы —
Надменны и величавы.
Другие же улыбаются
Застенчиво и лукаво.

Вон те ничего не чувствуют
И смотрят холодным взглядом.
А эти тебе сочувствуют
И всюду как будто рядом.

Взгляните, какие разные:
То огненно-золотые,
То яркие, то алмазные,
То дымчатые и красные,
То ласково-голубые.

Нельзя отыскать заранее
Единой для всех оценки:
У каждой свое сияние,
У каждой свои оттенки.

Людская жизнь быстротечна.
Куда нам до звезд?! А все же
И звезды живут не вечно,
Они умирают тоже.

Природа шутить не любит,
Она подчиняет всякого.
Да, звезды живут, как люди,
И смерть свою, словно люди,
Встречают не одинаково.

Одни, замедляя ход,
Спиной обратясь к Вселенной,
Скупо и постепенно
Гаснут за годом год…

И, век свой продлить стараясь,
Темнеют, теряя цвет,
В холодный кулак сжимаясь,

Тяжелый, как сто планет.

Такая не улыбнется,
И дружбы с ней не свести.
Живет она, как трясется,
И «Черной дырой» зовется,
Погаснув в конце пути.

А кто-то живет иначе,
А кто-то горит не так,
А кто-то души не прячет,
Огнем озаряя мрак.

И, став на краю могилы,
К живым пролагая мост,
Вдруг вспыхнет с гигантской силой,
Как тысяча тысяч звезд…

И все! И светила нет…
Но вспышки того сияния
Сквозь дальние расстояния
Горят еще сотни лет…

1976

Лесная река

Василию Федорову

Пускай не качает она кораблей,
Не режет плечом волну океана,
Но есть первозданное что-то в ней,
Что-то от Шишкина и Левитана.

Течет она медленно век за веком,
В холодных омутах глубока.
И ни единого человека,
Ни всплеска, ни удочки рыбака…

В ажурной солнечной паутине
Под шорох ветра и шум ветвей
Течет, отливая небесной синью,
Намытой жгутами тугих дождей.

Так крепок и густ травяной настой,
Что черпай хоть ложкой его столовой!
Налим лупоглазый, почти пудовый,
Жует колокольчики над водой…

Березка пригнулась в густой траве.
Жарко. Сейчас она искупается!
Но платье застряло на голове,
Бьется под ветром и не снимается.

Над заводью вскинул рога сохатый
И замер пружинисто и хитро,
И только с морды его губатой
Падает звонкое серебро.

На дне неподвижно, как для парада,
Уставясь носами в одну струю,
Стоят голавли черноспинным рядом,
Как кони в едином литом строю.

Рябина, красуясь, грустит в тиши
И в воду смотрится то и дело:
Сережки рубиновые надела,
Да кто ж их оценит в такой глуши?!

Букашка летит не спеша на свет,
И зяблик у речки пришел в волненье.
Он клюнул букашкино отраженье

И изумился: букашки нет!

Удобно устроившись на суку,
Кукушка ватагу грибов считает.
Но, сбившись, мгновение отдыхает
И снова упрямо: «Ку-ку, ку-ку!»

А дунет к вечеру холодком —
По глади речной пробегут барашки,
Как по озябшей спине мурашки,
И речка потянется перед сном.

Послушает ласково и устало,
Как перепел выкрикнет: «Спать пора!»
Расправит туманное одеяло
И тихо укроется до утра.

Россия степная, Россия озерная,
С ковыльной бескрайнею стороной,
Россия холмистая, мшистая, горная,
Ты вся дорога мне! И все же, бесспорно, я
Всех больше люблю тебя вот такой!

Такой: с иван-чаем, с морошкой хрусткой
В хмельном и смолистом твоем раю,
С далекой задумчивой песней русской,
С безвестной речушкой в лесном краю.

И вечно с тобой я в любой напасти —
И в солнечных брызгах, и в черной мгле,
И нет мне уже без тебя ни счастья,
Ни песни, ни радости на земле!

1971

Старый «газик»

Вокруг поляны в песенном разливе
Как новенький стоит березнячок.
А в стороне, под липой, говорливо
Тугой струей играет родничок.

Гудят шмели над заревом соцветий…
И в эту радость, аромат и зной,
Свернув с шоссе, однажды на рассвете
Ворвался пыльный «газик» городской.

Промчался между пней по землянике,
В цветочном море с визгом тормознул
И пряный запах мяты и гвоздики
Горячим радиатором втянул.

Почти без воскресений, год за годом,
Дитя индустриального труда,
Мотался он меж складом и заводом,
А на природе не был никогда.

И вот в березах, будто в белом зале,
Стоял он, ошарашенный слегка,
Покуда люди с шумом выгружали
Припасы и котел для пикника.

Кидали птицы трели отовсюду,
Вели гвоздики алый хоровод,
И бабочка, прекрасная, как чудо,
Доверчиво садилась на капот.

Усталый «газик» вряд ли разбирался,
Что в первый раз столкнулся с красотой.
Он лишь стоял и молча улыбался
Доверчивой железною душой.

Звенели в роще песни над костром,
Сушились на кустарнике рубашки,
А «газик», сунув голову в ромашки,
Восторженно дремал под ветерком.

Густеет вечер, вянет разговор.
Пора домой! Распахнута кабина.
Шофер привычно давит на стартер,
Но все зазря: безмолвствует машина.

Уж больше часа коллектив взволнованный
Склоняется над техникой своей.
Однако «газик», словно заколдованный,
Молчит, и все. И никаких гвоздей!

Но, размахавшись гаечным ключом,
Водитель зря механику порочит.
Ведь он, увы, не ведает о том,
Что старый «газик» просто нипочем
Из этой сказки уезжать не хочет!

1975

Высота

Под горкой в тенистой сырой лощине,
От сонной речушки наискосок,
Словно бы с шишкинской взят картины,
Бормочет листвой небольшой лесок.

Звенит бочажок под завесой мглистой,
И, в струи его с высоты глядясь,
Клены стоят, по-мужски плечисты,
Победно красою своей гордясь.

А жизнь им и вправду, видать, неплоха:
Подружек веселых полна лощина…
Лапу направо протянешь – ольха,
Налево протянешь ладонь – осина.

Любую только возьми за плечо,
И ни обид, ни вопросов спорных.
Нежно зашепчет, кивнет горячо
И тихо прильнет головой покорной.

А наверху, над речным обрывом,
Нацелясь в солнечный небосвод,
Береза – словно летит вперед,
Молодо, радостно и красиво…

Пусть больше тут сухости и жары,
Пусть щеки январская стужа лижет,
Но здесь полыхают рассветов костры,
Тут дали видней и слышней миры,
Здесь мысли крылатей и счастье ближе.

С достойным, кто станет навечно рядом,
Разделит и жизнь она и мечту.
А вниз не сманить ее хитрым взглядом,
К ней только наверх подыматься надо,
Туда, на светлую высоту!

1971

Весенняя песня

Гроза фиолетовым языком
Лижет с шипеньем мокрые тучи.
И кулаком стопудовым гром
Струи, звенящие серебром,
Вбивает в газоны, сады и кручи.

И в шуме пенистой кутерьмы
С крыш, словно с гор, тугие потоки
Смывают в звонкие водостоки
Остатки холода и зимы.

Но ветер уж вбил упругие клинья
В сплетения туч. И усталый гром
С ворчаньем прячется под мостом,
А небо смеется умытой синью.

В лужах здания колыхаются,
Смешные, раскосые, как японцы.
Падают капли. И каждая кажется
Крохотным, с неба летящим солнцем.

Рухлядь выносится с чердаков,
Забор покрывается свежей краской,
Вскрываются окна, летит замазка,
Пыль выбивается из ковров.

Весна даже с душ шелуху снимает:
И горечь, и злость, что темны, как ночь,
Мир будто кожу сейчас меняет.
В нем все хорошее прорастает,
А все, что не нужно, долой и прочь!

И в этой солнечной карусели
Ветер мне крикнул, замедлив бег:
– Что же ты, что же ты в самом деле,
В щебете птичьем, в звоне капели

О чем пригорюнился, человек?!
О чем? И действительно, я ли это?
Так ли я в прошлые зимы жил?
С теми ли спорил порой до рассвета?
С теми ли сердце свое делил?

А радость-то – вот она – рядом носится
Скворцом заливается на окне.

Она одобряет, смеется, просится:
– Брось ерунду и шагни ко мне!

И я (наплевать, если будет странным)
Почти по-мальчишески хохочу.
Я верю! И жить в холодах туманных,
Средь дел нелепых и слов обманных,
Хоть режьте, не буду и не хочу!

Ты слышишь, весна? С непогодой – точка;
А вот будто кто-то разбил ледок, —
Это в душе моей лопнула почка,
И к солнцу выпрямился росток.

Весна! Горделивые свечи сирени,
Солнечный сноп посреди двора,
Пора пробуждений и обновлений —
Великолепнейшая пора!

1970

Таежный родник

Мчится родник среди гула таежного,
Бойкий, серебряный и тугой.
Бежит возле лагеря молодежного
И все, что услышит, несет с собой.

А слышит он всякое, разное слышит:
И мошек, и травы, и птиц, и людей,
И кто что поет, чем живет и чем дышит, —
И все это пишет, и все это пишет
На тонких бороздках струи своей.

Эх, если б хоть час мне в моей судьбе
Волшебный! Такой, чтоб родник этот звонкий
Скатать бы в рулон, как магнитную пленку,
И бандеролью послать тебе.

Послать, ничего не сказав заранее.
И вот, когда в доме твоем – никого,
Будешь ты слушать мое послание,
Еще не ведая ничего.

И вдруг – будто разом спадет завеса:
Послышится шишки упавшей звук,
Трещанье кузнечика, говор леса
Да дятла-трудяги веселый стук.

Вот шутки и громкие чьи-то споры,
Вот грохот ведерка и треск костра,
Вот звук поцелуя, вот песни хором,
Вот посвист иволги до утра.

Кружатся диски, бегут года.
Но вот, где-то в самом конце рулона,
Возникнут два голоса окрыленных,
Где каждая фраза – то «нет», то «да».

Ты встала, поправила нервно волосы,
О дрогнувший стул оперлась рукой,
Да, ты узнала два этих голоса,
Два радостных голоса: твой и мой!

Вот они рядом, звенят и льются,
Они заполняют собой весь дом!
И так они славно сейчас смеются,
Как нам не смеяться уже потом…

Но слушай, такого же не забудешь,
Сейчас, после паузы, голос мой
Вдруг шепотом спросит: – Скажи, ты любишь?
А твой засмеется: – Пусти, задушишь!
Да я, хоть гони, навсегда с тобой!

Где вы – хорошие те слова?
И где таежная та дорожка?
Я вижу сейчас, как твоя голова
Тихо прижалась к стеклу окошка.

И стало в уютной твоей квартире
Вдруг зябко и пусто, как никогда.
А голоса, сквозь ветра и года,
Звенят, как укор, все светлей и шире…

Прости, если нынче в душе твоей
Вызвал я отзвук поры тревожной.
Не плачь! Это только гремит ручей
Из дальней-предальней глуши таежной.

А юность, она и на полчаса —
Зови не зови – не вернется снова.
Лишь вечно звенят и звенят голоса
В немолчной воде родника лесного.

1963

Весна в лесу

Дятлы морзянку стучат по стволам:
«Слушайте, слушайте! Новость встречайте!
С юга весна приближается к нам!
Кто еще дремлет? Вставайте, вставайте!»

Ветер тропинкой лесной пробежал,
Почки дыханьем своим пробуждая,
Снежные комья с деревьев сметая,
К озеру вышел и тут заплясал.

Лед затрещал, закачался упрямо,
Скрежет и треск прозвучал в тишине.
Ветер на озере, точно в окне,
С грохотом выставил зимнюю раму.

Солнце! Сегодня как будто их два.
Сила такая и яркость такая!
Скоро, проталины все заполняя,
Щеткой зеленой полезет трава.

Вот прилетели лесные питомцы,
Свист и возню на деревьях подняв.
Старые пни, шапки белые сняв,
Желтые лысины греют на солнце.

Сонный барсук из норы вылезает.
Солнце так солнце, мы рады – изволь!
Шубу тряхнул: не побила ли моль?
Кучки грибов просушить вынимает.

Близится время любви и разлук.
Все подгоняется: перья и волос.
Зяблик, лирически глядя вокруг,
Мягко откашлявшись, пробует голос.

Пеной черемух леса зацвели,
Пахнет настоем смолы и цветений,
А надо всем журавли, журавли…
Синее небо и ветер весенний!

1950

Маленькие герои

В промозглую и злую непогоду,
Когда ложатся под ветрами ниц
Кусты с травой. Когда огонь и воду
Швыряют с громом тучи с небосвода,
Мне жаль всегда до острой боли птиц…

На крыши, на леса и на проселки,
На горестно поникшие сады,
Где нет сухой ни ветки, ни иголки,
Летит поток грохочущей воды.

Все от стихии прячется в округе:
И человек, и зверь, и даже мышь.
Укрыт надежно муравей. И лишь
Нет ничего у крохотной пичуги.

Гнездо? Смешно сказать! Ну разве дом —
Три ветки наподобие розетки!
И при дожде, ей-богу, в доме том
Ничуть не суше, чем на всякой ветке!

Они к птенцам всей грудкой прижимаются,
Малюсенькие, легкие, как дым,
И от дождя и стужи заслоняются
Лишь перьями да мужеством своим.

И как представить даже, что они
Из райских мест, сквозь бури и метели,
Семь тысяч верст и ночи все, и дни
Сюда, домой, отчаянно летели!

Зачем такие силы были отданы?
Ведь в тех краях – ни холода, ни зла,
И пищи всласть, и света, и тепла,
Да, там есть все на свете… кроме родины…

Суть в том, без громких слов и укоризны,
Что, все порой исчерпав до конца,
Их маленькие, честные сердца
Отчизну почитают выше жизни.

Грохочет бурей за окошком ночь,
Под ветром воду скручивая туго,
И что бы я не отдал, чтоб помочь
Всем этим смелым крохотным пичугам!

Но тьма уйдет, как злобная старуха,
Куда-то в черный и далекий лес,
И сгинет гром, поварчивая глухо,
А солнце брызнет золотом с небес.

И вот, казалось, еле уцелев,
В своих душонках маленьких пичуги
Хранят не страх, не горечь и не гнев,
А радость, словно сеятель посев,
Как искры звонко сыплют по округе!

Да, после злой ревущей черноты,
Когда живым-то мудрено остаться,
Потокам этой светлой доброты
И голосам хрустальной чистоты,
Наверно, можно только удивляться!

Гремит, звенит жизнелюбивый гам!
И, может быть, у этой крохи-птицы
Порой каким-то стоящим вещам
Большим и очень сильным существам
Не так уж плохо было б поучиться…

1993

Дикие гуси

(Лирическая быль)

С утра покинув приозерный луг,
Летели гуси дикие на юг,
А позади за ниткою гусиной
Спешил на юг косяк перепелиный.

Все позади: простуженный ночлег,
И ржавый лист, и первый мокрый снег…
А там, на юге, пальмы и ракушки
И в теплом Ниле теплые лягушки.

Вперед, вперед! Дорога далека,
Все крепче холод, гуще облака,
Меняется погода, ветер злей,
И что ни взмах, то крылья тяжелей.

Смеркается… Все резче ветер в грудь,
Слабеют силы, нет, не дотянуть!
И тут протяжно крикнул головной:
– Под нами море! Следуйте за мной!

Скорее вниз! Скорей, внизу вода!
А это значит – отдых и еда! —
Но следом вдруг пошли перепела.
– А вы куда? Вода для вас – беда!

Да, видно, на миру и смерть красна.
Жить можно разно. Смерть – всегда одна!..
Нет больше сил… И шли перепела
Туда, где волны, где покой и мгла.

К рассвету все замолкло… Тишина —
Медлительная, важная луна,
Опутав звезды сетью золотой,
Загадочно повисла над водой.

А в это время из далеких вод
Домой, к Одессе, к гавани своей,
Бесшумно шел красавец турбоход,
Блестя глазами бортовых огней.

Вдруг вахтенный, стоявший с рулевым,
Взглянул за борт и замер, недвижим.
Потом присвистнул: – Шут меня дери!

Вот чудеса! Ты только посмотри!

В лучах зари, забыв привычный страх,
Качались гуси молча на волнах,
У каждого в усталой тишине
По спящей перепелке на спине…

Сводило горло… Так хотелось есть!..
А рыб вокруг – вовек не перечесть!
Но ни один за рыбой не нырнул
И друга в глубину не окунул.

Вставал над морем искрометный круг,
Летели гуси дикие на юг,
А позади за ниткою гусиной
Спешил на юг косяк перепелиный.

Летели гуси в огненный рассвет,
А с корабля смотрели им вослед, —
Как на смотру – ладонь у козырька, —
Два вахтенных – бывалых моряка.

1964

Пеликан

Смешная птица пеликан:
Он грузный, неуклюжий,
Громадный клюв, как ятаган,
И зоб – тугой, как барабан,
Набитый впрок на ужин…

Гнездо в кустах на островке,
В гнезде птенцы галдят,
Ныряет мама в озерке,
А он стоит невдалеке,
Как сторож и солдат.

Потом он, голову пригнув,
Распахивает клюв.
И, сунув шейки, как в трубу,
Птенцы в его зобу
Хватают жадно, кто быстрей,
Хрустящих окуней.

А степь с утра и до утра
Все суше и мрачнее.
Стоит безбожная жара,
И даже кончики пера
Черны от суховея.

Трещат сухие камыши…
Жара – хоть не дыши!
Как хищный беркут над землей,
Парит тяжелый зной.

И вот на месте озерка —
Один засохший ил,
Воды ни капли, ни глотка.
Ну хоть бы лужица пока!
Ну хоть бы дождь полил!

Птенцы затихли. Не кричат.
Они как будто тают…
Чуть только лапами дрожат
Да клювы раскрывают.

Сказали ветры: «Ливню быть.
Но позже, не сейчас».
Птенцы ж глазами просят: «Пить!»
Им не дождаться, не дожить.

Ведь дорог каждый час!

Но стой, беда! Спасенье есть,
Как радость, настоящее.
Оно в груди отца, вот здесь!
Живое и горящее.

Он их спасет любой ценой,
Великою любовью.
Не чудом, не водой живой,
А выше, чем живой водой, —
Своей живою кровью.

Привстал на лапах пеликан,
Глазами мир обвел
И клювом грудь себе вспорол,
А клюв, как ятаган!

Сложились крылья-паруса,
Доплыв до высшей цели,
Светлели детские глаза,
Отцовские – тускнели…

Смешная птица пеликан:
Он грузный, неуклюжий,
Громадный клюв, как ятаган,
И зоб – тугой, как барабан,
Набитый впрок на ужин…

Пусть так. Но я скажу иным
Гогочущим болванам:
– Снимите шапки перед ним,
Перед зобастым и смешным,
Нескладным пеликаном!

1964

Лебеди

Гордые шеи изогнуты круто,
В гипсе, фарфоре молчат они хмуро.
Смотрят с открыток, глядят с абажуров,
Став украшеньем дурного уюта.

Если хозяйку-кокетку порой
«Лебедью» гость за столом назовет,
Птицы незримо качнут головой:
Что, мол, он знает и что он поймет?!

…Солнце садилось меж бронзовых скал,
Лебедь на жесткой траве умирал.
Дробь браконьера иль когти орла?
Смерть – это смерть, оплошал – и нашла!

Дрогнул, прилег и застыл, недвижим.
Алая бусинка с клюва сползла…
Долго стояла подруга над ним
И, наконец, поняла!..

Разума птицам немного дано,
Горе ж и птицу сражает, как гром.
Все, кому в мире любить суждено,
Разве тоскуют умом?

Сердца однолюбов связаны туго:
Вместе навек судьба и полет,
И даже смерть, убивая друга,
Их дружбы не разорвет.

В лучах багровеет скальный гранит.
Лебедь на жесткой траве лежит.
А по спирали в зенит упруго
Кругами уходит его подруга.

Чуть слышно донесся гортанный крик,
Белый комок над бездной повис,
Затем он дрогнул, а через миг
Метнулся отвесно на скалы вниз.

…Тонкие шеи изогнуты круто,
В гипсе, фарфоре молчат они хмуро.
Смотрят с открыток, глядят с абажуров,
Став украшеньем дурного уюта.

Но сквозь фокстроты, сквозь шторы из ситца
Слышу я крыльев стремительных свист,
Вижу красивую гордую птицу,
Камнем на землю летящую вниз.

1963

Стихи о рыжей дворняге

Хозяин погладил рукою
Лохматую рыжую спину:
– Прощай, брат! Хоть жаль мне, не скрою,
Но все же тебя я покину.

Швырнул под скамейку ошейник
И скрылся под гулким навесом,
Где пестрый людской муравейник
Вливался в вагоны экспресса.

Собака не взвыла ни разу,
И лишь за знакомой спиною
Следили два карие глаза
С почти человечьей тоскою.

Старик у вокзального входа
Сказал: – Что? Оставлен, бедняга?
Эх, будь ты хорошей породы…
А то ведь простая дворняга!

Огонь над трубой заметался,
Взревел паровоз что есть мочи,
На месте, как бык, потоптался
И ринулся в непогодь ночи.

В вагонах, забыв передряги,
Курили, смеялись, дремали…
Тут, видно, о рыжей дворняге
Не думали, не вспоминали.

Не ведал хозяин, что где-то
По шпалам, из сил выбиваясь,
За красным мелькающим светом
Собака бежит, задыхаясь!

Споткнувшись, кидается снова,
В кровь лапы о камни разбиты,
Что выпрыгнуть сердце готово
Наружу из пасти раскрытой.

Не ведал хозяин, что силы
Вдруг разом оставили тело
И, стукнувшись лбом о перила,
Собака под мост полетела…

Труп волны снесли под коряги…
Старик! Ты не знаешь природы:
Ведь может быть тело дворняги,
А сердце – чистейшей породы!

1948

Ледяная баллада

Льды все туже сжимают круг,
Весь экипаж по тревоге собран.
Словно от чьих-то гигантских рук,
Трещат парохода стальные ребра.

Воет пурга среди колких льдов,
Злая насмешка слышится в голосе:
– Ну что, капитан Георгий Седов,
Кончил отныне мечтать о полюсе?

Зря она, старая, глотку рвет,
Неужто и вправду ей непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем лейтенант повернет обратно!

Команда – к Таймыру, назад, гуськом.
А он оставит лишь компас, карты,
Двух добровольцев, веревку, нарты
И к полюсу дальше пойдет пешком.

Фрам – капитанский косматый пес,
Идти с командой назад не согласен.
Где быть ему? Это смешной вопрос!
Он даже с презреньем наморщил нос,
Ему-то вопрос абсолютно ясен.

Встал впереди на привычном месте
И на хозяина так взглянул,
Что тот лишь с улыбкой рукой махнул:
– Ладно, чего уж… Вместе так вместе!

Одежда твердеет, как жесть, под ветром,
А мгла не шутит, а холод жжет,
И надо не девять взять километров,
Не девяносто, а девятьсот!

Но если на трудной стоишь дороге
И светит мечта тебе, как звезда,
То ты ни трусости, ни тревоги
Не выберешь в спутники никогда.

Вперед, вперед по торосистым льдам!
От стужи хрипит глуховатый голос.
Седов еще шутит: – Ну что, брат Фрам,
Отыщешь по нюху Северный полюс?

Черную шерсть опушил мороз,
Но Фрам ничего – моряк не скулящий,
И пусть он всего лишь навсего пес —
Он путешественник настоящий!..

Снова медведем ревет пурга,
Пища – худое подобье рыбы.
Седов бы любого сломил врага:
И холод, и голод. Но вот цинга…
И ноги, распухшие, точно глыбы.

Матрос, расстроенно-озабочен,
Сказал: – Не стряслось бы какой беды.
Путь еще дальний, а вы не очень…
А полюс… Да бог с ним! Ведь там, между прочим,
Все то же: ни крыши и ни еды…

Добрый, но, право, смешной народ!
Неужто и вправду им непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем капитан повернет обратно!

И, лежа на нартах, он все в метель,
Сверяясь с картой, смотрел упрямо,
Смотрел и щурился, как в прицел,
Как будто бы видел во мраке цель,
Там, впереди, меж ушами Фрама.

Солнце все ниже… Мигнуло – и прочь…
Пожалуй, шансов уже никаких.
Над головой полярная ночь,
И в сутки – по рыбине на двоих.

Полюс по-прежнему впереди.
Седов приподнялся над изголовьем:
– Кажется, баста! Конец пути…
Эх, я бы добрался, сумел дойти,
Когда б на недельку еще здоровья…

Месяц желтым горел огнем,
Будто маяк во мгле океана.
Боцман лоб осенил крестом:
– Ну вот и нет у нас капитана!

Последний и вечный его покой:
Холм изо льда под салют прощальный,
При свете месяца, как хрустальный,
Зеленоватый и голубой…

Молча в обратный путь собрались.
Горько, да надо спешить, однако.
Боцман, льдинку смахнув с ресниц,
Сказал чуть слышно: – Пошли, собака!

Их дома дела и семейства ждут,
У Фрама же нет ничего дороже,
Чем друг, что навеки остался тут,
И люди напрасно его зовут:
Фрам уйти от него не может!

Снова кричат ему, странный народ,
Неужто и вправду им непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем Фрам хоть на шаг повернет обратно!

Взобрался на холм, заскользив отчаянно,
Улегся и замер там, недвижим,
Как будто бы телом хотел своим
Еще отогреть своего хозяина.

Шаги умолкли… И лишь мороз
Да ветер, в смятенье притихший рядом,
Видели, как костенеющий пес
Свою последнюю службу нес,
Уставясь в сумрак стеклянным взглядом.

Льдина кружится, кружат года,
Кружатся звезды над облаками…
И внукам бессоннейшими ночами,
Быть может, увидится иногда,

Как медленно к солнцу плывут из мрака
Герой, чье имя хранит народ,
И Фрам – замечательная собака,
Как черный памятник вросшая в лед.

1969

Вечная красота

Устав от грома и чада,
От всей городской тесноты,
Человеку порою надо
Скрыться от суеты.

И степи любя, и воды,
Ты все-таки верь словам,
Что лес – это «храм природы».
Лес – он и вправду храм!

И нету на свете средства,
Дающего больше сил.
Ведь с самого малолетства
Он нас красоте учил.

С малиной, с речонкой узкой,
С травами до небес,
Разлапистый, русский-русский,
Грибной и смолистый лес.

В июньское многоцветье
Кинувшись, как в волну,
Скрытый от всех на свете,
Вслушайся в гул столетий
И мягкую тишину.

Взгляни, как рассвет дымится,
Послушай, как синь лесов
Проворней, чем кружевницы
Плетут, расшивают птицы
Трелями всех тонов.

Между кустов склоненных
Паук растянул антенну
И ловит завороженно
Все голоса вселенной.

На рыжем листе букашка
Смешно себе трет живот,
Шмель гудит над ромашкой,
Как маленький самолет.

А в небе, чуть слышный тоже,
Сиреневый хвост стеля,
Летит самолет, похожий

На крохотного шмеля.

И вновь тишина такая,
И снова такой покой,
Что слышно, как пролетает
Листик над головой…

Клены прямые, как свечи,
Стоят перед стайкой ив,
Лапы друг другу на плечи
Ласково положив.

От трав, от цветов дурманных
Почудится вдруг порой,
Что можешь, став великаном,
Скатать, как ковер, поляну
И взять навсегда с собой.

Волшебный снегирь на ветке
С чуть хитроватым взглядом
В красной тугой жилетке
Сидит и колдует рядом.

И вот оживают краски,
И вот уже лес смеется.
За каждым кустом по сказке,
И в каждом дупле – по сказке,
Аукнись – и отзовется…

Как часто в часы волнений
Мы рвемся в водоворот,
Мы ищем людских общений,
Сочувствия, утешений
Как средства от всех невзгод.

А что, если взять иное:
Стремление к тишине.
Душе ведь надо порою
Остаться наедине!

И может, всего нужнее
Уйти по тропе туда,
Где жаром рябина рдеет
И в терпком меду шалфея
Звенит родником вода;

Туда, где душе и глазу
Откроется мудрый мир
И где на плече у вяза

Волшебный поет снегирь.

1970

Красота народа

Наконец-то в числе реликвий
Оказались в стране моей
Древний Суздаль, Ростов Великий,
Деревянная вязь Кижей!

Наконец наступили годы
Величаво-седую стать,
Красоту, мастерство народа
Из забвения воскрешать!

Кружевную и величавую,
Белопенную, как прибой,
Неразлучную с русской славою,
С русской радостью и бедой.

Возродить и навек взметнуть
Все, что дорого нам и свято.
Жаль вот только, что не вернуть
То, что прахом легло когда-то.

Сколько яркого озарения
Древних зодчих – певцов труда,
В исторических потрясениях
Бурей сорвано навсегда!..

Впрочем, были еще любители
Штурмовщины и крайних мер.
Где сегодня Христа Спасителя
Храм невиданный, например?

Он стоял над Москвой-рекою,
Гордо вскинув свою главу,
Белым лебедем над водою,
Русской сказкою наяву!..

Кто вернет устремленный в небо,
Что горел, в облаках паря,
Древний храм Бориса и Глеба,
Алый, праздничный, как заря?

И снесли до чего ж умело!
Даже гид не найдет следа.
Как же славно, что с этим делом
Ныне кончено; навсегда!

Но сейчас не об этом хочется!..
Слава Богу, поди спроси,
Сколько ярких шедевров зодчества
Ныне радует на Руси!

Тех, что стройно-легки, как птицы,
Будь то башня, собор иль храм,
У создателей чьих учиться
Не грешно бы в любой столице
И сегодняшним мастерам.

И смогли ведь. Вершили чудо —
Удивишься аж за версту!
Так храните же, люди, всюду
Эту светлую красоту!

И отлично, что комсомольцы
Возрождать взялись старину
С той же страстью, с какой добровольцами
Мчались прежде на целину.

И когда средь новейших зданий,
Прежних красок вернув наряд,
Словно древние могикане,
Храмы праздничные стоят

И горит на заре лучисто
Золотой пожар куполов, —
Лишь таращат глаза туристы,
Не найдя подходящих слов.

А слова будто светом брызжутся,
Даже кружится голова.
Только вслушайтесь: «звонница», «ризница»
Жар малиновый, не слова!

И горды мы, горды по праву
У порогов священных мест.
Словно книги великой главы —
Бородинское поле славы,
Севастопольский комплекс славы,
И Мамаев курган, и Брест!

И сверкают в лучах рассвета
Песней мужества и труда:
Монументы Страны Советов,
Космодромы и города!

Вот вам старое, вот вам новое,

Ну так что же, что рядом, что ж?!
Все ведь кровное, все – история,
Ничего ведь не оторвешь!

Потому так светло и бережно
Нынче связаны навсегда
День вчерашний и день теперешний,
Как с былинным Кремлем звезда!

1970

Дорожите счастьем, дорожите!..

Дорожите счастьем, дорожите!
Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звезды глаз —
Это все для вас, для вас, для вас.

Услыхали трепетное слово —
Радуйтесь. Не требуйте второго.
Не гоните время. Ни к чему.
Радуйтесь вот этому, ему!

Сколько песне суждено продлиться?
Все ли в мире может повториться?
Лист в ручье, снегирь, над кручей вяз…
Разве будет это тыщу раз!

На бульваре освещают вечер
Тополей пылающие свечи.
Радуйтесь, не портите ничем
Ни надежды, ни любви, ни встречи!

Лупит гром из поднебесной пушки.
Дождик, дождь! На лужицах веснушки.
Крутит, пляшет, бьет по мостовой
Крупный дождь в орех величиной.

Если это чудо пропустить,
Как тогда уж и на свете жить?!
Все, что мимо сердца пролетело,
Ни за что потом не возвратить!

Хворь и ссоры временно отставьте,
Вы их все для старости оставьте.
Постарайтесь, чтобы хоть сейчас
Эта «прелесть» миновала вас.

Пусть бормочут скептики до смерти.
Вы им, желчным скептикам, не верьте —
Радости ни дома, ни в пути
Злым глазам, хоть лопнуть, – не найти!

А для очень, очень добрых глаз
Нет ни склок, ни зависти, ни муки.
Радость к вам сама протянет руки,
Если сердце светлое у вас.

Красоту увидеть в некрасивом,
Разглядеть в ручьях разливы рек!
Кто умеет в буднях быть счастливым,
Тот и впрямь счастливый человек!

И поют дороги и мосты,
Краски леса и ветра событий,
Звезды, птицы, реки и цветы:
Дорожите счастьем, дорожите!

1968

«Стремясь к любви, ты ищешь красоты…»

Стремясь к любви, ты ищешь красоты.
Смотри ж, не ошибись. Ведь так случается,
Что самые прекрасные черты
Не взгляду, а лишь сердцу открываются!

Заколдованный круг

Ты любишь меня и не любишь его.
Ответь: ну не дико ли это, право,
Что тут у него есть любое право,
А у меня – ну почти ничего?!

Ты любишь меня, а его не любишь.
Прости, если что-то скажу не то,
Но кто с тобой рядом все время, кто
И нынче, и завтра, и вечно кто?
Что ты ответишь мне, как рассудишь?

Ты любишь меня? Но не странно ль это!
Ведь каждый поступок для нас с тобой —
Это же бой, настоящий бой
С сотнями трудностей и запретов!

Понять? Отчего ж, я могу понять!
Сложно? Согласен, конечно, сложно,
Есть вещи, которых нельзя ломать,
Пусть так, ну а мучиться вечно можно?!

Молчу, но душою почти кричу:
Ну что они – краткие эти свидания?!
Ведь счастье, я просто понять хочу,
Ужель как сеанс иль визит к врачу:
Пришел, повернулся – и до свидания!

Пылает заревом синева,
Бредут две медведицы: Большая и Малая,
А за окном стихает Москва,
Вечерняя, пестрая, чуть усталая.

Шторы раздерну, вдали – темно.
Как древние мамонты дремлют здания,
А где-то сверкает твое окно
Яркою звездочкой в мироздании.

Ты любишь меня… Но в мильонный раз
Даже себе не подам и вида я,
Что, кажется, остро в душе завидую
Ему, нелюбимому, в этот час.

1982

Прогулка

Мы шли по росистой тропинке вдвоем
Под сосен приветственный шорох.
А дачный поселок – за домиком дом —
Сползал позади за пригорок.

До почты проселком четыре версты,
Там ждут меня письма, газеты.
– Отправимся вместе, – сказала мне ты
И тоже проснулась с рассветом.

Распластанный коршун кружил в вышине,
Тропинка меж сосен петляла
И, в речку сорвавшись, на той стороне
Вползала в кусты краснотала.

Смеялась ты, грустные мысли гоня.
Умолкнув, тревожно смотрела.
И, каюсь, я знал, что ты любишь меня,
Ты чувства скрывать не умела.

Цветущий шиповник заполнил овраг,
Туман по-над лугом стелился.
Любой убежденный ворчун-холостяк
В такое бы утро влюбился!

Я ж молод, и ты от меня в двух шагах —
Сердечна, проста и красива.
Ресницы такие, что тень на щеках.
Коса с золотистым отливом.

Трава клокотала в пьянящем соку,
Шумела, качаясь, пшеница.
«Любите!» – нам ветер шепнул на бегу.
«Любите!» – кричали синицы.

Да плохо ли вдруг, улыбнувшись, любя,
За плечи обнять дорогую.
И я полюбил бы, конечно, тебя,
Когда не любил бы другую.

Для чувств не годны никакие весы,
К другой мое сердце стремится.
Хоть нет у нее золотистой косы
И явно короче ресницы.

Да что объяснять! И, прогулку кляня,
Я пел, я шутил всю дорогу.
И было смешно тебе слушать меня
И больно, пожалуй, немного.

Тут все бесполезно: прогулка, весна,
Кусты и овражки с ручьями.
Прости, я другую любил, и она,
Незримая, шла между нами.

1954

Золотая осень

Твой звонок раздался так нежданно
Из былых, почти забытых лет,
Словно бы из снежного бурана
Кто-то внес сияющий букет.

И чтоб душу, видимо, встряхнуть,
Тот букет вдруг вздрогнул и раскрылся:
Голос твой совсем не изменился.
Впрочем, только, может быть, чуть-чуть.

От волненья или от смущенья
Я твоих почти не помню слов.
Помню только гул сердцебиенья
Да в виски ударившую кровь.

Вспоминаю: как же мы кипели,
Сколько звезд к нам сыпалось сквозь тьму,
Как же мы восторженно звенели.
Почему ж расстались? Почему?

Ревности отчаянная вьюга…
Если ж молвить, правды не губя,
Есть в оценках два различных круга:
Молодость все валит друг на друга,
Зрелость обвиняет лишь себя.

Но сегодня даже и не главное,
Кто и в чем был в прошлом виноват.
Есть и в осень астры златославные,
И в ненастье праздничный закат!

Главное сегодня – это снова
Вместо будней, мелочей и зла
Голос твой, возникший из былого,
И волна горячего тепла.

Только кто откроет нам секрет:
Встретимся ль мы близкими? Чужими?
Что откроем мы в житейском дыме?
И какими стали мы, какими?
Ведь промчалось мимо столько лет!..

В молодости будни многоцветны,
Но, увы, в калейдоскопе дней
Измененья рядом – незаметны,

Измененья врозь – куда видней…

Нет при встречах мудрого посредника.
Значит, надо, чувств не загубя,
Прежде чем взглянуть на собеседника,
Посмотреть сначала на себя…

Впрочем, говорю и понимаю:
Все это – сплошная ерунда,
Ибо настоящая звезда
Никогда на свете не сгорает.

Все, что есть хорошего во мне,
Что в тебе прекрасного осталось, —
Это все не мелочь и не малость,
Это песнь на сказочном коне!

Это вечной радости полет,
Что звенит, годам не уступая,
Это лавр, растущий круглый год,
Ветер ароматом наполняя.

Это неба алые края,
Что пылают в незакатный вечер.
Ну, а проще, это ты и я
И сердец взволнованная встреча!

1992

Женщина сказала мне однажды…

Женщина сказала мне однажды:
– Я тебя люблю за то, что ты
Не такой, как многие, не каждый,
А духовной полон красоты.

Ты прошел суровый путь солдата,
Не растратив вешнего огня.
Все, что для тебя сегодня свято,
То отныне свято для меня.

В думах, в сердце только ты один.
Не могу любить наполовину.
Мир велик, но в нем один мужчина,
Больше нету на земле мужчин.

Мне с тобою не страшны тревоги,
Дай мне руку! Я не подведу.
Сквозь невзгоды, по любой дороге
Хоть до звезд, счастливая, дойду!

…Годы гасли, снова загорались
Вешними зарницами в реке.
И слова хорошие остались
Легкой рябью где-то вдалеке.

И теперь я должен был узнать,
Что весь мир – курорты с магазинами
И что свет наш заселен мужчинами
Гуще, чем я мог предполагать.

А потом та женщина, в погоне
За улыбкой нового тепла,
Выдернула руку из ладони
И до звезд со мною не дошла…

Жизнь опять трудна, как у солдата.
Годы, вьюги, версты впереди —
Только верю все же, что когда-то
Встретится мне женщина в пути.

Из таких, что верности не губит,
Ни рубля не ищет, ни венца,
Кто, коли полюбит, то полюбит,
Только раз и только до конца.

Будет звездным глаз ее сияние,
И, невзгоды прошлого гоня,
В синий вечер нашего свидания
Мне она расскажет про меня.

– Как же ты всю жизнь мою измерила?
Ворожила? —
Улыбнется: – Нет,
Просто полюбила и поверила,
А для сердца – сердце не секрет!

И пройду я, тихий и торжественный,
Сквозь застывший тополиный строй.
Словно праздник, радостью расцвеченный,
Не постылый вновь и не чужой.

И, развеяв боль, как горький пепел,
Так скажу я той, что разлюбила:
– Нынче в мире женщину я встретил,
Что меня для счастья воскресила!

1958

Трудная роль

В плетеной корзине живые цветы.
Метель за морозным окном.
Я нынче в гостях у актерской четы
Сижу за накрытым столом.

Хозяин радушен: он поднял бокал
И весело смотрит на нас.
Он горд, ведь сегодня он в тысячный раз
В любимом спектакле сыграл.

Ему шестьдесят. Он слегка грузноват,
И сердце шалит иногда,
Но, черт побери, шестьдесят не закат!
И что для артиста года?

Нет, сердце ему не плохое дано:
Когда он на сцену вступает,
Лишь вспыхнет от счастья иль гнева он
Пять сотен сердец замирает!

А радость не радость: она не полна,
Коль дома лишь гости вокруг,
Но рядом сидит молодая жена —
Его ученица и друг.

О, как же все жесты ее нежны.
Ее красота как приказ!
Он отдал бы все за улыбку жены,
За серые омуты глаз.

Все отдал бы, кладом кичась своим, —
Прекрасное кто же не любит!
Хоть возрастом, может, как дым, седым,
Брюзжаньем и чадом, всегда хмельным,
Он вечно в ней что-то губит…

Сегодня хозяин в ударе: он встал,
Дождался, чтоб стих говорок,
И, жестом свободным пригубив бокал,
Стал звучно читать монолог.

Минута… И вот он – разгневанный мавр!
Платок в его черной ладони.
Гремит его голос то гулом литавр,
То в тяжких рыданиях тонет…

В неистовом взгляде страдальца – гроза!
Такого и камни не вынесут стона!
Я вижу, как вниз опуская глаза,
Бледнеет красивая Дездемона.

Но, слыша супруга ревнивые речи,
Зачем без вины побледнела жена?
Зачем? Ведь в трагедии не было встречи!
Зачем? Это знаем лишь я да она.

Я тоже участник! Я, кажется, нужен,
Хоть роли мне старый Шекспир не отвел.
Я был приглашен и усажен за стол,
Но «роль» у меня – не придумаешь хуже!

Ты хочешь игры? Я играю. Изволь!
И славно играю, не выдал ведь злости.
Но как тяжела мне нелепая роль
Приятеля в доме и честного гостя!

1949

Одна

К ней всюду относились с уваженьем, —
И труженик, и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж – и вот она одна…

Бежали будни ровной чередою.
И те ж друзья, и уваженье то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь.

Приятели, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни былые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь – почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,
Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это…

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,
Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет.
Скажи, какую сберегает честь!
Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть…

И было непонятно никому,
Что и одна – она верна ему!

1962

Оценка любви

Он в гости меня приглашал вчера:
– Прошу по-соседски, не церемониться!
И кстати, я думаю, познакомиться
Вам с милой моею давно пора.

Не знаю, насколько она понравится,
Да я и не слишком ее хвалю.
Она не мыслитель и не красавица.
Такая, как сотни. Ничем не славится.
Но я, между прочим, ее люблю!

Умчался приветливый мой сосед,
А я вдруг подумал ему вослед:
Не знаю, насколько ты счастлив будешь,
Много ль протянется это лет
И что будет дальше. Но только нет,
Любить ты, пожалуй, ее не любишь…

Ведь если душа от любви хмельна,
То может ли вдруг человек счастливый
Хотя бы помыслить, что вот она
Не слишком-то, кажется, и умна,
И вроде не очень-то и красива.

Ну можно ли жарко мечтать о ней
И думать, что милая, может статься,
Ничем-то от сотен других людей
Не может, в сущности, отличаться?!

Нет, если ты любишь, то вся она,
Бесспорно же, самая романтичная,
Самая-самая необычная,
Ну словно из радости соткана.

И в синей дали, и в ненастной мгле
Горит она радугой горделивою,
Такая умная и красивая,
Что равных и нету ей на земле!

1973

Стихи о несбывшейся встрече

Я решил сегодня написать
О любви и трепетном свиданье.
Парень будет нервничать и ждать,
Только я не дам ему страдать —
Девушка придет без опозданья.

Щедрым быть – так быть им до конца
Я, как Бог, смету над ними тучи
И навек соединю сердца!
Пусть твердят, что это редкий случай.

Я сейчас такой наверняка
Оттого, что, веруя сердечно,
Жду в четыре твоего звонка
И хороших слов твоих, конечно.

Ждет и парень, молча прислонясь
К синему газетному киоску.
Вытащил часы в десятый раз
И зажег вторую папироску.

Ничего, всему наступит срок:
Будут звезды и счастливый вечер.
Вот сейчас раздастся твой звонок,
И она шагнет к нему навстречу.

Но за часом час ползет вослед,
Свет фонарный заиграл на лужах,
А звонка все нет, все нет и нет…
И на сердце хуже все и хуже…

И во мраке, не смыкая глаз,
Парень ждет и только брови хмурит,
На часы глядит в двухсотый раз
И уже вторую пачку курит.

Эх, дружище, ты меня прости
За мою нескладную затею!
Я ж все к счастью думал привести,
Только сам остужен на пути,
А кривить душою не умею.

Если сердце не в ладу с пером —
Я с собою не играю в прятки.
Знаешь, друг, мы лучше подождем,

Вдруг мы зря тревогу эту бьем,
Вдруг да будет все еще в порядке?!

Новый день по крышам семенит…
Нет, неладно что-то получается,
Видно, потеряв последний стыд,
Телефон предательски молчит
Да еще как будто улыбается.

Что ж, неужто вышло не всерьез
То, что было так светло и ясно?
Неужели все оборвалось
И стихи о счастье понапрасну?!

Пятый день… Десятый день идет…
У любви терпение безмерно:
Днем и ночью парень ждет и ждет,
Ждет упрямо, преданно и верно.

Только сколько на планете зла?
Ничего от счастья не осталось.
Так она к нему и не пришла.
Очевидно, дрянью оказалась.

1969

Вторая любовь

Что из того, что ты уже любила,
Кому-то, вспыхнув, отворяла дверь.
Все это до меня когда-то было,
Когда-то было в прошлом, не теперь.

Мы словно жизнью зажили второю,
Вторым дыханьем, песнею второй.
Ты счастлива, тебе светло со мною,
Как мне тепло и радостно с тобой.

Но почему же все-таки бывает,
Что незаметно, изредка, тайком
Вдруг словно тень на сердце набегает
И остро-остро колет холодком…

О нет, я превосходно понимаю,
Что ты со мною встретилась любя.
И все-таки я где-то ощущаю,
Что, может быть, порою открываю
То, что уже открыто для тебя.

То вдруг умело галстук мне завяжешь,
Уверенной ли шуткой рассмешишь,
Намеком ли без слов о чем-то скажешь
Иль кулинарным чудом удивишь.

Да, это мне и дорого и мило,
И все-таки покажется порой,
Что все это уже, наверно, было,
Почти вот так же, только не со мной.

А как душа порой кричать готова,
Когда в минуту ласки, как во сне,
Ты вдруг шепнешь мне трепетное слово,
Которое лишь мне, быть может, ново,
Но прежде было сказано не мне.

Вот так же точно, может быть, порою
Нет-нет и твой вдруг потемнеет взгляд,
Хоть ясно, что и я перед тобою
Ни в чем былом отнюдь не виноват.

Когда любовь врывается вторая
В наш мир, горя, кружа и торопя,
Мы в ней не только радость открываем,

Мы все-таки в ней что-то повторяем,
Порой скрывая это от себя.

И даже говорим себе нередко,
Что первая была не так сильна,
И зелена, как тоненькая ветка,
И чуть наивна, и чуть-чуть смешна…

И целый век себе не признаемся,
Что, повстречавшись с новою, другой,
Какой-то частью все же остаемся
С ней, самой первой, чистой и смешной.

Двух равных песен в мире не бывает,
И сколько б звезд ни поманило вновь,
Но лишь одна волшебством обладает,
И, как ни хороша порой вторая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.